

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
УГОЛОВНОГО ПРАВА И
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

И. В. Шишко

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ПРАВОНАРУШЕНИЯ**

Ирина Викторовна Шишко
Экономические правонарушения: Вопросы
юридической оценки и ответственности
Серия «Теория и практика уголовного
права и уголовного процесса»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10751527

Экономические правонарушения: Вопросы юридической оценки и ответственности./ Шишко И. В.:

Юридический центр Пресс; Санкт-Петербург; 2004

ISBN 5-94201-291-1

Аннотация

Настоящая работа представляет собой исследование ряда общих для правовой оценки нарушений экономического законодательства вопросов, которые по-разному решаются в юридической науке и практике: к нормативным правовым актам какого уровня можно обращаться при толковании «экономических» норм УК РФ и КоАП РФ, влечет ли отмена запретов или обязанностей, установленных регулятивными нормами, декриминализацию деяний, совершенных в период существования указанных запретов (обязанностей), обоснованно ли единообразное толкование одного термина в разных «экономических» нормах УК, какие последствия влечет рассогласование диспозиций «экономических» норм УК и КоАП с обеспечиваемыми ими регулятивными нормами и почему, и многих других.

Рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов высших и средних юридических учебных заведений.

Может быть использована в практической деятельности судьями, прокурорами, следователями, органами дознания и т. д.

Содержание

Предисловие	6
Введение	8
Глава 1	10
Глава 2	29
§ 1. Бланкетность как типичная характеристика диспозиций норм главы 22 УК	29
§ 2. Отраслевая принадлежность и «статус» нормативных правовых актов, связанных с бланкетными нормами УК	43
§ 3. Действие в пространстве и во времени регулятивных норм, связанных с «экономическими» нормами УК	55
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Ирина Викторовна Шишко
Экономические правонарушения:
Вопросы юридической
оценки и ответственности

ASSOCIATION YURIDICHESKYCENTER

Theory and Practice of Criminal Law and Criminal Procedure

I.V. Shishko

OFFENCES IN SPHERE OF ECONOMY
MATTERS OF LAW ESTIMATION AND RESPONSIBILITY

Saint Petersburg Yuridichesky
Center Press
2004

Редакционная коллегия серии «Теория и практика уголовного права и уголовного процесса»

R. M. Aslanov (отв. ред.), А. И. Бойцов (отв. ред.), Н. И. Мацнев(отв. ред.), Б. В. Волженкин, Ю. Н. Волков, Ю. В. Голик, И. Э. Звечаровский, В. С. Комиссаров, В. П. Коняхин, А. И. Коробеев, Л. Л. Кругликов, С. Ф. Милуков, М. Г. Миненок, А. Н. Попов, М. Н. Становский, А. П. Стуканов, А. Н. Тарбагаев, А. В. Федоров, А. А. Эксархопуло

Рецензенты:

Л. В. Лобанова, доктор юридических наук, профессор

Кафедра уголовного права Алтайского государственного университета

Editorial Board of the Series

“Theory and Practice of Criminal Law and Criminal Procedure”

R. M. Aslanov (managing editor), A. I. Boitsov (managing editor), N. I. Matsnev (managing editor), B. V. Volzhenkin, Yu. N. Volkov, Yu. V. Golik, I. E. Zvecharovsky, V. S. Komissarov, V. P. Konyakhin, A. I. Korobeev, L. L. Kruglikov, S. F. Milyukov, M. G. Minenok, A. N. Popov, M. N. Stanovsky, A. P. Stukanov, A. N. Tarbagaev, A. V. Fedorov, A. A. Eksarkhopoulo

Reviewers:

Doctor of Law, professor L. V. Lobanova

Department of Criminal Law of Altai State University

The work is a research of a number of common issues for the right estimation of violations of legislation in sphere of economy, which are solved in different ways in legal science and in practice: to what level of normative legal acts one can apply when interpreting “economic” norms of CrC RF and CAO RF, whether the repeal of prohibitions or duties, prescribed regulating rules,

decriminalization of acts committed when such prohibitions (duties) existed, whether uniform interpretation of one and the same term is reasonable in different “economic” norms of CrC, what consequences the discordance of dispositions of “economic” norms of CrC and CAO with regulating rules secured by them involves and why, and many others.

The book is recommended for researchers, professors, post-graduates, and students of law schools. It can be also used in their practical activity by judges, procurators, investigators, agencies of inquiry, etc.

© I. V. Shishko, 2004 © Yuridichesky Center Press, 2004

Предисловие

При создании Уголовного кодекса РФ 1996 г. наиболее сложной задачей было формулирование норм об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности. Прежний Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. был приспособлен к охране отношений, складывавшихся в условиях плановой социалистической экономики, новый УК должен был решать вопросы охраны рыночной экономики от преступных посягательств. При этом следовало учитывать, какое поведение субъектов экономической деятельности разрешено нормами регулятивных отраслей права (в первую очередь, гражданским правом), а какое запрещено и требует установления за него уголовной ответственности.

Новизна норм гл. 22 УК РФ потребовала активной разработки возникших научных и практических проблем. Они решались в значительной мере методом проб и ошибок, о чем свидетельствует, в частности, внесение в первоначальную редакцию норм гл. 22 УК многочисленных изменений. Несомненно, такие изменения будут происходить и в дальнейшем, поэтому возникла необходимость теоретической разработки путей развития и совершенствования законодательства и практики его применения.

Значительный вклад в решение проблем ответственности за «экономические» преступления внесли Б. В. Волженкин¹, Н. А. Лопашенко², П. С. Яни³, авторы учебников уголовного права и комментариев к УК РФ. Ряд вопросов был разрешен в работах автора данной монографии, кандидата юридических наук, доцента кафедры уголовного права и криминологии Красноярского государственного университета Ирины Викторовны Шишко⁴.

В предлагаемой читателям монографии И. В. Шишко отошла от традиционного комментирования отдельных норм гл. 22 УК и предприняла попытку исследовать правонарушения в сфере экономической деятельности с более широких позиций с тем, чтобы установить общие закономерности соотношения ответственности, предусмотренной в уголовном праве как охранительной отрасли, и в соответствующих регулятивных отраслях законодательства (гражданском, административном, налоговом и т. д.).

В основе исследования лежит бесспорное положение о том, что типичной характеристикой норм гл. 22 УК является их бланкетность, в связи с чем диспозиции этих норм практически детерминированы регулятивным законодательством. Данное свойство использовано автором монографии с целью показать насколько крепко «экономические» нормы связаны с нормами регулятивных отраслей, которые решающим образом влияют на сферу криминализации и декриминализации отдельных видов правонарушений и на практические вопросы толкования и правоприменения указанных норм.

На этой основе автором внесены оригинальные и интересные предложения по совершенствованию уголовного законодательства, в том числе формулировки новых норм Общей части, касающиеся особенностей субъективной стороны и субъекта преступления, а также

¹ Волженкин Б. В. 1) Экономические преступления. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 1999; 2) Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002 и др.

² Лопашенко Н. А. 1) Вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997; 2) Преступления в сфере экономической деятельности (Комментарий к гл.22 УК РФ). Ростов н/Д: «Феникс», 1999 и др.

³ Яни П. С. Экономические и служебные преступления. М.: ЗАО «Бизнес-школа «Ин-тел-Синтез»», 1997 и др.

⁴ Преступления в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих и иных организациях / Краснояр. гос. ун-т, Красноярск, 1998 (в соавт. с А. С. Гореликом и Г. Н. Хлупиной); Уголовная ответственность за незаконное предпринимательство // Юридический мир. 1999. № 1–2. С. 46–52; Ответственность за принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения // Юридический мир. 1998. № 11–12. С. 42–47; Субъекты преступлений, связанных с банкротством // Российская юстиция. 2000. № 8. С. 41–42; Вина и преступления в сфере экономической деятельности // Уголовное право. 2002. № 3. С. 55–59 и др.

Особенной части уголовного права. Реализация этих и других предложений позволит установить общие правила, направленные на создание единой непротиворечивой системы ответственности за экономические правонарушения в различных отраслях права. Наконец, работа имеет практическое значение, так как ряд предложений может способствовать правильному применению действующих норм уголовного права об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности.

Разумеется, не все положения и выводы работы бесспорны. В частности, не все ученые, видимо, согласятся с тем, что уголовное право является чисто охранительной отраслью и не содержит регулятивных норм. Есть в работе и другие положения, с которыми можно не согласиться. Однако несомненно, что монография представляет значительный вклад в разработку проблем ответственности не только за «экономические», но и другие преступления с бланкетными диспозициями норм, а вызванная ею дискуссия будет способствовать дальнейшим научным разработкам, совершенствованию законодательства и практики его применения.

А. С. Горелик

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Красноярского государственного университета

Введение

Последнее десятилетие прошлого века ознаменовалось резким изменением экономического курса России от социализма к рыночной экономике. Столь крутой экономический «вираж» обязан обширным соответствующим изменениям в российском законодательстве в сфере экономики⁵, обеспечить которое, в свою очередь, были призваны нормы гл. 22 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления в сфере экономической деятельности».

К сожалению, практика применения норм этой главы не позволяет констатировать эффективность уголовно-правовой охраны отношений в указанной сфере: при немалой распространенности преступлений, описанных в «экономических» нормах УК⁶, практика эта весьма незначительна⁷.

Одной из важных причин такого положения стали серьезные и многочисленные расхождения в доктринальном толковании признаков составов экономических преступлений⁸. Казалось бы, несовпадения в толковании признаков преступлений в науке уголовного права – дело обычное. *Особенностью доктринального толкования признаков преступлений, ответственность за которые предусмотрена гл. 22 УК, стало различное решение вопроса о соотношении норм указанной главы и экономического законодательства, являющегося частью концептуальной проблемы соотношения уголовного и регулятивных отраслей права.* Термины в диспозициях «экономических» уголовно-правовых норм, явно заимствованные из регулятивных отраслей права⁹, нередко получают собственное уголовно-отраслевое толкование, иногда – с одновременным обоснованием недопустимости использования значения, приданного этому термину в не уголовном законодательстве.

Толкование норм гл. 22 УК «без оглядки» на те нормативные правовые акты, которые регулируют охраняемые этими нормами отношения, не было случайностью: в нем проявилось представление о «самостоятельном», полноценном регулировании уголовным правом позитивных (нормальных) отношений.

Применение «экономических» норм УК сдерживает и отстаивание их *конкуренции* с нормами регулятивных отраслей права: в определенных случаях, утверждается иногда в юридической литературе, и при наличии в общественно опасном деянии признаков состава преступления следует применять только те регулятивные нормы (чаще всего называют нормы ГК РФ), за нарушение установлений которых предусмотрена уголовная ответственность.

Отсутствие единой концепции соотношения уголовного и регулятивных отраслей права усугубилось их полным обновлением, с одной стороны, и появлением новых представлений о критериях структуризации права в его общей теории, с другой. Без исследования указанного соотношения многие вопросы применения «экономических» норм УК останутся

⁵ Так, либо экономическим (рыночным) законодательством часто называют комплекс отраслей права (или отраслей законодательства), регулирующих отношения в сфере экономики: конституционное, международное, гражданское, финансовое, земельное, трудовое и др. (См., напр.: *Демин А. В.* Система российского права: тенденция и перспективы // Системность в праве: Сб. статей / Под ред. к.ю.н., доц. Н. Л. Клык; Красноярск. гос. ун-т. Красноярск: Изд-во «Универс», 2002. С. 15.)

⁶ «Экономическими» здесь и в дальнейшем будут именоваться нормы гл. 22 УК РФ.

⁷ См.: *Волженкин Б. В.* Мифы уголовной статистики и реальности экономической преступности или реальности уголовной статистики и мифы об экономической преступности // Уголовное право в XXI веке. Материалы Международной научной конференции на юрид. факте МГУ им. М. В. Ломоносова 31 мая – 1 июня 2001 г. М.: «ЛэксЭст», 2002. С. 82–86.

⁸ Экономическими преступлениями в настоящей работе будут именоваться преступления, предусмотренные нормами гл. 22 УК РФ.

⁹ В общей теории права все отрасли права в зависимости от функции дифференцируют на позитивно-регулятивное и охранительное право (Общая теория государства и права. Академический курс. В 2 т. Т. 2. Теория права. М.: Изд-во ЗЕРЦАЛО, 2000. С. 240).

нерешенными, а сами нормы – неприменяемыми или малоприменяемыми, либо применяемыми незаконно.

Так, обоснование рядом ученых недопустимости обращения при толковании бланкетных норм УК к нормативным правовым актам уровнем ниже федерального закона способно исключить уголовно-правовое обеспечение значительной части регулятивного законодательства: в широком его понимании оно включает множество *подзаконных* нормативных правовых актов.

Не будет преувеличением утверждение, что только с решением вопроса о соотношении уголовного и регулятивных отраслей права можно связывать адекватную преступлениям в сфере экономической деятельности правоприменительную практику.

Автор работы выражает уверенность, что настоящая монография, нацеленная, главным образом, на решение проблем теоретического плана, *окажется полезной и практическим работникам*: именно их вопросы по конкретным уголовным делам помогли выявить проблемы, потребовавшие теоретического осмысления.

Глава 1

Отношения, охраняемые нормами главы 22 УК РФ

1. Как известно, нормы Особенной части Уголовного кодекса РФ изложены системно, и в основе этой системы находится родовый объект¹⁰, т. е. та группа однородных общественных отношений¹¹, на которую посягает однородная группа преступлений.

Главу 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» законодатель включил в разд. VIII УК РФ «Преступления в сфере экономики», и, следовательно, общественные отношения, охраняемые названной главой (и составляющие так называемый видовой объект), являются частью экономики. Не допустил ли законодатель ошибку, определяя круг отношений, которые «заполняют» сферу экономической деятельности, включив гл. 22 (к тому же наряду с гл. 21 и 23) в указанный раздел.

Необходимость установления видového объекта имеет не только теоретическое, но и *самое практическое значение*: без этого невозможно определить *пределы действия норм главы*. Например, невозможно установить круг сделок, принуждение к совершению которых или к отказу от совершения которых позволяет инкриминировать ст. 179 УК: подпадают ли под эту статью все сделки, включая сделки с имуществом, не используемым в предпринимательской деятельности. Кроме того, экономическая деятельность включена в качестве альтернативного признака объективной стороны легализации (ст. 174¹ УК), и без уяснения этого понятия трудно судить, какие деяния, наряду с совершением сделок, содержат состав данного преступления? Не названа экономической «иная деятельность», ответственность за воспрепятствование которой установлена ст. 169 УК¹², однако местоположение статьи в гл. 22 УК позволяет констатировать, что эта деятельность может быть только экономической.

В поисках ответа на поставленный вопрос обратимся к науке, изучающей экономику, – экономической теории. Экономика определена в ней как сложная система особых, специфических отношений людей¹³, в которой, в зависимости от характера воздействия тех или иных факторов на ее развитие, выделяют и отношения социально-экономического присвоения благ (или отношения собственности), и организационно-управленческие отношения¹⁴. Поэтому, во-первых, видовые объекты преступлений, предусмотренных нормами 21-й и 23-й глав УК, полностью «вписываются» в родовый объект, а, во-вторых, видовой объект преступлений, предусмотренных нормами гл. 22 УК, охватывает все иные общественные отношения, образующие содержание экономики.

На каком основании сделан последний вывод?

Дело в том, что в экономической литературе *экономика по существу отождествляется с экономической деятельностью*. Так, в одном из определений говорится, что экономика – это сочетание сфер деятельности, а сферы экономики – суть области экономиче-

¹⁰ Российское уголовное право. Общая часть. Учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М.: Изд-во «Спарк», 1997. С. 94; Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении. Учебник для вузов / Под ред. д.ю.н., проф. Н. Ф. Кузнецовой, к.ю.н., доц. И. М. Тяжковой М.: Изд-во ЗЕРЦАЛО, 1999. С. 197.

¹¹ Общеизвестно, что в настоящее время ряд авторов считают объектом преступления интересы или блага, Г. П. Новоселов – людей (*Новоселов Г. П.* Учение об объекте преступления. М.: Изд-во НОРМА, 2001. С. 60). О. Зателепин называет объектом охраняемую уголовным законом социальную безопасность (*Зателепин О. К.* вопросу о понятии объекта преступления в уголовном праве // Уголовное право. 2003. № 1. С. 31).

¹² Редакция статьи изменена Федеральным законом от 25 июня 2002 г. (Российская газета. 2002. 28 июня).

¹³ Курс экономической теории. Общие основы экономической теории, микроэкономика, макроэкономика, переходная экономика: Учеб. пособие / Науч. ред. проф. А. С. Сидорович. М.: МГУ, Изд-во «ДИС», 1997. С. 55–56.

¹⁴ Там же.

ской деятельности¹⁵. Давая другое определение экономики (как сложное явление экономика рассматривается ими во многих аспектах), те же авторы пишут, что она представляет единство производства, распределения, обмена и потребления, причем производство рассматривается как первый признак экономической деятельности людей¹⁶. И. А. Ревинский непосредственно определяет экономическую деятельность как «совокупность действий, в результате которых происходит преобразование некоторых видов экономических ресурсов в готовый для потребления продукт»¹⁷, что позволяет рассматривать экономическую деятельность, как только одну из составляющих экономики. Однако этот же автор указывает, что экономическая деятельность состоит из нескольких основных элементов: производства, распределения, потребления и обмена¹⁸. Таким образом, единство основных системообразующих элементов экономики и экономической деятельности не позволяет увидеть существенное несходство этих понятий. Поэтому при исследовании экономической деятельности мы будем опираться и на научные суждения об экономике.

Всякое исследование столь сложных явлений, как экономическая деятельность (экономика), содержание которых определено абстрактными понятиями, требует установления их рамок, границ, что предполагает, в частности, и соотнесение этого понятия с такими, как «рыночные отношения» (экономику Российского государства диагностируют как переходную от командной к рыночной¹⁹) и «предпринимательская деятельность».

Рыночные отношения, отмечается в юридической литературе, не тождественны экономическим, они значительно уже последних по содержанию и существуют не в любом обществе, не при любой экономической системе²⁰. Рыночные отношения признаются таковыми при ряде условий, а именно: неограниченном числе участников конкуренции; свободном доступе на рынок и таком же выходе их него; мобильности ресурсов; полной информированности каждого участника конкуренции о предложении и спросе, ценах и норме прибыли; свободном предпринимательстве и др.²¹ Вместе с тем, являясь разновидностью экономических, рыночные отношения составляют часть экономики и могут только теоретически исчерпывать ее даже на определенном историческом этапе.

Предпринимательская деятельность – разновидность экономической. «Экономическая деятельность общества не сводится только к предпринимательству», – справедливо отмечает профессор Б. В. Волженкин²². Именно такое соотношение этих видов деятельности вытекает из ст. 34 Конституции РФ, закрепляющей право каждого на свободное использование своих способностей и имущества не только для предпринимательской, но и иной экономической деятельности. Указанное соотношение нашло отражение и в диспозиции ч. 1 ст. 174¹ УК.

Вместе с тем в уголовно-правовой литературе прослеживается некоторое сужение «границ» экономической деятельности, что, с нашей точки зрения, объясняется отсутствием

¹⁵ Курс экономической теории. Общие основы экономической теории, микроэкономика, макроэкономика, переходная экономика. С. 52.

¹⁶ Там же. С. 44.

¹⁷ Ревинский И. А. Курс экономики: Учебник. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1999. С. 34.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Курс экономической теории. Общие основы экономической теории, микроэкономика, макроэкономика, переходная экономика. С. 74, 76; Ревинский И. А. Указ. соч. С. 34; Баликоев В. З. Общая экономическая теория. Учеб. пособие. Новосибирск: ТОО «ЮКЭА»; НПК «Модус», 1996. С. 384; Пороховский А. Рыночный курс: противоречия и перспективы // Экономист. 2000. № 8. С. 27, 30; Тарасов О. Н. Государство и право в переходный период и их роль в становлении экономики // Академический юридический журнал. 2002. № 2. С. 7.

²⁰ Ведяхин В. М., Ревина С. Н. Об особенностях рыночных отношений // Журнал российского права. 2002. № 8. С. 49.

²¹ Там же.

²² Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности. С. 82.

целостного определения экономической деятельности в экономической теории и наличием законодательного определения предпринимательской деятельности.

Так, первоначально криминалисты отождествляли экономическую деятельность с деятельностью в сфере производства по созданию общественного продукта, направленную на жизнеобеспечение общества и государства,²³ хотя экономическая деятельность не ограничивается производством, а наряду с ним аккумулирует распределение, обмен и потребление.

Иногда ее связывают не с единичными действиями, а с их *системой*²⁴. В частности, предложено толковать понятие экономической деятельности как «деятельности, осуществляемой в областях производства, распределения или потребления (сфера обмена почему-то не упомянута. – *И. Ш.*), не носящей характера разового действия»²⁵, хотя направленность на систематическое получение прибыли, что, как правило, предполагает и систему действий, в качестве обязательного признака присуща именно предпринимательской деятельности. Взятие предложенного определения «на вооружение» Уголовным кодексом привело бы к неприменению целого ряда «экономических» норм, предусматривающих ответственность за деяния «разового» характера (контрабанду, злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг, незаконный оборот драгоценных металлов или драгоценных камней и др.).

Кроме того, из числа субъектов этой деятельности иногда исключают граждан (потребителей), рассматривая их *соприкасающимися* с экономической деятельностью²⁶, а не осуществляющими ее.

Ссылаясь на представление об экономической преступности правоохранительных органов, Б. Свенссон также считает, что экономические преступления могут совершать только предприниматель, его заместитель или агенты²⁷.

Вместе с тем в предпринимательском праве экономическую деятельность, во-первых, делят на активную (по производству товаров и реализации работ, услуг) и пассивную (например, внесение собственного имущества в уставные капиталы), а, во-вторых, даже активную экономическую деятельность не обязательно связывают с намерением получать прибыль систематически²⁸. Так, А. Курбатов отмечает, что активную экономическую, но не предпринимательскую деятельность осуществляют, например, биржи²⁹.

Еще шире интерпретируют экономическую деятельность специалисты в области экономической теории. Они выделяют и такие сферы экономической деятельности, как потребление продукции собственного производства (включая домашнее хозяйство)³⁰, и производство домашним хозяйством услуг, которые не продаются на рынке (работа домашней

²³ Лопашенко Н. А. Вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1997. С. 11.

²⁴ Лопашенко Н. А. Вопросы совершенствования норм главы 22 УК РФ: Проект ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ (с пояснительной запиской) // Налоговые и иные экономические преступления: Сб. науч. ст. Вып. 1 / Под ред. Л. Л. Кругликова. Ярославль: ЯрГУ, 2000. С. 18; Лукашов А. И. Преступления против порядка осуществления экономической деятельности: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации. Минск: Тесей, 2002. С. 11–12.

²⁵ Лопашенко Н. А. Еще раз об оценочных категориях в законодательных формулировках преступлений в сфере экономической деятельности // Уголовное право. 2002. № 3. С. 39.

²⁶ Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности. С. 82.

²⁷ Свенссон Б. Экономическая преступность / Пер. со шведск. М.: Прогресс, 1987. С. 27.

²⁸ Курбатов А. Обеспечение баланса частных и публичных интересов – основная задача права на современном этапе // Хозяйство и право. 2001. № 6. С. 96.

²⁹ Там же.

³⁰ Только в статье А. Г. Корчагина и А. М. Иванова нам удалось встретить «включение» в экономику домашнего хозяйства (Корчагин А. Г., Иванов А. М. Уголовное законодательство о преступлениях в сфере экономики и управления: сравнительное изучение // Государство и право. 2002. № 12. С. 40).

хозяйки, воспитание детей)³¹. Производство в этих сферах в меньшей степени опосредовано реальным товарным обменом, а учет благ и услуг затруднителен,³² но и эти сферы деятельности – сферы *экономической* деятельности. Даже не занимающееся домашним хозяйством лицо вовлечено в экономическую деятельность, поскольку получает от государства субсидии и другие средства, или вступает в отношения с государством по поводу выплат из своих доходов и т. п.

Отнесение к экономической деятельности производства домашним хозяйством услуг, нереализуемых на рынке, доказывает, что этой деятельности не обязательно присуща направленность на получение не только систематической прибыли, но и разовой³³. Поэтому в экономической теории к экономическим субъектам как участникам экономической деятельности относят всех, кто *может самостоятельно принимать решения по достижению целей и имеет в своем распоряжении ресурсы* (свой бюджет)³⁴. Исходя из двух указанных критериев, к субъектам экономической деятельности относятся не только коммерческие и некоммерческие организации, но и домашние хозяйства³⁵, которые могут состоять и *из одного человека*³⁶. Конечно, основной рыночной функцией домашних хозяйств является не производство товаров и услуг, а обеспечение рынка факторами производства.

Изложенное требует корректировки уголовно-правового представления о субъектах экономической деятельности: ими могут быть и граждане, не осуществляющие предпринимательскую деятельность, если они имеют свой бюджет, самостоятельно принимают и реализуют решения. Только в свете представления об экономической деятельности, адекватного сформулированному в экономической теории, объяснимо, почему они несут ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем (ст. 174 и 174¹ УК), приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК), злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК), принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения (ст. 179 УК), контрабанду (ст. 188 УК), незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга (ст. 191 УК), уклонение от уплаты налога (ст. 198 УК)³⁷.

³¹ Курс экономической теории. Общие основы экономической теории, микроэкономика, макроэкономика, переходная экономика. С. 53.

³² Там же.

³³ По мнению В. М. Алиева, экономическая деятельность не имеет извлечения прибыли в качестве основной цели, но требует затрат денежных средств или использования иного имущества для достижения других целей, например, охраны здоровья, оказания юридической помощи и т. д. (*Алиев В. М.* Уголовно-правовая характеристика легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенного незаконным путем // *Российский следователь.* 2001. № 1. С. 20.) Нам представляется, что это определение может частично охватить и предпринимательскую деятельность: даже присущая последней цель получать прибыль систематически не обязательно должна быть основной, она может быть подчинена другой.

³⁴ Там же. С. 49.

³⁵ Там же. См. также: *Долан Э.; Линсдей Д.* Микроэкономика / Пер. с англ. В. Лукашевича и др. / Под общ. ред. Б. Лисовика и В. Лукашевича. СПб., 1994. С. 8; *Ревинский И. А.* Указ. соч. С. 39.

³⁶ *Долан Э., Линсдей Д.* Микроэкономика. С. 9; *Ревинский И. А.* Указ. соч. С. 39.

³⁷ В то же время применительно к монополистическим действиям и ограничению конкуренции (ст. 178 УК) «субъекта экономической деятельности» следует интерпретировать уже – как субъекта *предпринимательской* деятельности. Такое ограничительное толкование обусловлено Законом РСФСР от 22 марта 1991 г. «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», в котором конкуренция определена как состязательность хозяйствующих субъектов, а последними названный Закон признает только российские и иностранные коммерческие организации, некоммерческие организации, за исключением не занимающихся предпринимательской деятельностью, в том числе сельскохозяйственные потребительские кооперативы, а также индивидуальных предпринимателей (ст. 4 Закона). (Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 32. Ст. 1882; СЗ РФ. 1995. № 22. Ст. 1977; 1998. № 19. Ст. 2066; 2000. № 2. Ст. 124; 2002. № 41. Ст. 3969).

Узкое толкование экономической деятельности как осуществляемой единственно организациями и индивидуальными предпринимателями обусловило неправильное представление некоторых практических работников о круге сделок, принуждение к совершению которых или к отказу от совершения которых образует объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 179 УК. Представлению о том, что речь идет о сделках по поводу объектов, используемых исключительно в предпринимательской деятельности, способствовало и доктринальное толкование признаков состава этого преступления³⁸.

Неограниченность экономической деятельности, осуществляемой только производственными единицами, позволяет утверждать о значительно большем круге сделок, принуждение к совершению которых (к отказу от совершения которых) содержит состав преступления, предусмотренного указанной статьей: это могут быть различные виды сделок с жилым домом, земельным участком или иным имуществом, не используемым для систематического получения прибыли.

Экономические отношения не параллельны, они не просто сосуществуют, но и взаимодействуют³⁹. При этом взаимодействие настолько велико, что отношения собственности называют либо «фундаментом всей системы экономических отношений»⁴⁰, либо главным содержанием производственных отношений⁴¹. Такая связь отношений собственности с иными экономическими отношениями⁴² дает основание утверждать, что первые могут быть дополнительным объектом преступлений, ответственность за которые установлена нормами гл. 22 УК⁴³. Это подтверждается и распространенностью в диспозициях ее норм такого криминообразующего или квалифицирующего признака, как «ущерб». В это понятие в юридической литературе, как правило, включают вред имущественного характера⁴⁴, что самым

³⁸ Так, непосредственным объектом этого преступления Т. Ю. Погосян называет общественные отношения, обеспечивающие нормальное развитие предпринимательской деятельности, а в качестве возможных сделок указывает биржевые, внешнеэкономические, банковские и др. (Уголовное право. Особенная часть. Учебник для вузов. Отв. ред. д.ю.н., проф. И. Я. Козаченко, д.ю.н., проф. З. А. Незнамова, к.ю.н., доц. Г. П. Новоселов. М.: Издат. группа ИНФРА-М-НОРМА, 1997. С. 293). По мнению Н. А. Лопашенко, «использование денежных средств или иного имущества для осуществления экономической деятельности как форма легализации по ст. 174¹ предполагает, что денежные средства или иное имущество вкладываются в законный *бизнес* (курсив наш. – И. Ш.) в предпринимательскую, банковскую или иную экономическую деятельность» (Лопашенко Н. Ответственность за легализацию преступных доходов // Законность. 2002. № 1. С. 21).

³⁹ Курс экономической теории. Общие основы экономической теории, микроэкономика, макроэкономика, переходная экономика. С. 56.

⁴⁰ Ревинский И. А. Указ. соч. С. 47.

⁴¹ Балликов В. З. Общая экономическая теория. С. 19.

⁴² О том, что к объекту экономических преступлений относятся общественные отношения, производные от собственности либо тесно связанные с ней, пишет и А. Г. Корчагин (Корчагин А. Г. Преступления в сфере экономики и экономическая преступность. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та. 2001. С. 17). Ю. Ляпунов также отмечает органическую связь собственности с общественными отношениями в различных сферах экономической деятельности, отводя собственности роль фундамента в этой сфере (Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. д.ю.н., проф. Н. Т. Ветрова и д.ю.н., проф. Ю. И. Ляпунова. М.: Новый Юрист, 1998. С. 195).

⁴³ В юридической литературе отношения собственности либо прямо указывают в качестве второго непосредственного объекта экономических преступлений (например, обмана потребителей), либо не выводят, в отличие от здоровья граждан, интересов общественной нравственности, безопасности государства за рамки объекта (например, незаконного предпринимательства и незаконной банковской деятельности) (Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности. С. 521, 162). О том, что «преступления против собственности обычно нарушают нормальное функционирование хозяйственного механизма, а хозяйственные преступления (ныне экономические. – И. Ш.) могут причинить убытки собственности», писал также В. А. Лихачев (Лихачев В. А. Роль уголовного права в защите национальной экономики развивающихся стран. М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1983. С. 15). По мнению И. Ю. Михалева, в структуре объекта банкротских преступлений присутствуют имущественные интересы, основанные на отношениях собственности (Михалев И. Ю. Криминальное банкротство. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. С. 61).

⁴⁴ Волженкин Б. В. К вопросу о совершенствовании законодательства об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности // Налоговые и иные экономические преступления: Сб. науч. ст. Вып. 2 / Под ред. Л. Л. Кругликова. Ярославль: ЯрГУ, 2000. С. 25; Яцеленко Б. В. Жилкин М. Г. Ущерб как следствие преступлений в сфере экономической деятельности // Налоговые и иные экономические преступления: Сб. науч. ст. Вып. 5 / Под ред. проф. Л. Л. Кругликова. Ярославль: ЯрГУ, 2002. С. 26.

непосредственным образом доказывает разрушительное воздействие преступлений этой главы и на отношения собственности.

2. Профессор Б. В. Волженкин критикует ряд авторских определений видового объекта экономических преступлений, отмечая, что «в сфере экономической деятельности могут существовать различные общественные отношения»⁴⁵. Поэтому, справедливо уточняет он, «видовой объект этих преступлений может быть определен как охраняемая государством система общественных отношений, складывающихся в сфере экономической деятельности...»⁴⁶ Действительно, российская экономика неоднородна и сегментирована не только на правовую, но и на полуправовую («квазисерый» и «серый» рынки) и нелегальную («квази-черный» и «черный» рынок),⁴⁷ и уголовное право, разумеется, не охраняет экономические отношения, «протекающие» не в правовом русле.

Что же является видовым объектом экономических преступлений – экономические отношения или правоотношения? Поставленный вопрос суть часть более крупного: что вообще является объектом преступлений. Однако, будучи сторонниками традиционного и доминирующего подхода к объекту преступлений как общественным отношениям, здесь мы ведем речь об отношениях фактических либо правовых. Как известно, этот вопрос, как и многие другие, в уголовно-правовой доктрине единообразно не решается. Так, только применительно к собственности в качестве объекта называют и право собственности⁴⁸, и общественные отношения собственности, как экономическую категорию⁴⁹, и фактические отношения собственности⁵⁰.

С. С. Алексеев отмечал, что, «с точки зрения генезиса отправным, исходным при формировании правоотношений являются реальные, фактические отношения», включая и *экономические*⁵¹. В соответствии с этим правоотношения рассматриваются как *форма общественных отношений*⁵².

В то же время Р. О. Халфина убедительно доказывает, что при отделении формы от реального отношения теряется важнейший момент непосредственной связи прав и обязанностей с реальным поведением участников отношений. «Рассматривать... правоотношение в отрыве от его материального содержания нельзя, – указывает автор, – поскольку его содержание не существует вне его правовой формы»⁵³. При этом, подчеркивает Р. О. Халфина, многие реальные отношения, в том числе важнейший круг отношений в сфере производства, распределения и потребления, *могут существовать только в виде правоотношений* (выделено нами. – *И. Ш.*)⁵⁴. «...Правоотношения собственности, – проводит ту же мысль А. И. Бойцов, – выступают в качестве необходимой формы экономических отношений, которые в

⁴⁵ Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности... С. 80.

⁴⁶ Там же. С. 81.

⁴⁷ Колесникова Л. А. Неформальный сектор: издержки «переходности» или отражение самосознания? // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 61.

⁴⁸ Матышевский П. С. Ответственность за преступления против социалистической собственности. Киев: Киев, ун-т, 1968. С. 65.

⁴⁹ Кригер Г. А. Квалификация хищений социалистического имущества. М.: Юрид. лит., 1971. С. 29–30; Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. д.ю.н., проф. Н. Т. Ветрова и д.ю.н., проф. Ю. И. Ляпунова. С. 196

⁵⁰ Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Ответственность за преступления против собственности. 2-е изд. испр. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2001. С. 18.

⁵¹ Алексеев С. С. Общая теория права: В 2 т. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1982. С. 90.

⁵² Там же. См также: Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М.: Юрид. лит., 1974. С. 36; Курс советского уголовного права. В 6 т. Т. IV. М.: Изд-во «Наука», 1970. С. 312.

⁵³ Халфина Р. О. Указ. соч. С. 36. – На это же в конечном счете указывает и А. А. Пионтковский (Курс сов. уголовного права. В 6 т. Т. IV. С. 312).

⁵⁴ Халфина Р. О. Указ. соч. С. 36.

государственно организованном обществе не могут существовать иначе как в соответствующем юридическом закреплении...»⁵⁵

Правильность этого подхода подтверждает и решение вопроса об объекте конкретного преступления сторонниками признания объектом хищений экономических отношений собственности. Так, относившийся к их числу Г. А. Кригер приводил ряд примеров из судебной практики, свидетельствующих о том, что при установлении непосредственного объекта высшая судебная инстанция исходила из того, кому принадлежало право собственности на похищенное в конкретном случае имущество и когда в соответствии с законом оно возникло⁵⁶. «Таким образом, – констатировал Г. А. Кригер, – для установления объекта посягательства необходимо выяснить, кому в действительности принадлежало право собственности на данное имущество»⁵⁷. Но наличие у участников экономического отношения *права собственности* доказывает облечение этого отношения в правовую форму, т. е. наличие правоотношения!

Общественная опасность преступлений в сфере экономической деятельности заключается в неисполнении *обязанностей* (регистрировать предпринимательскую деятельность, получать в необходимых случаях лицензию, соблюдать лицензионные условия; гасить кредиторскую задолженность; предоставлять информацию, содержащую данные об эмитенте, о его финансово-хозяйственной деятельности и ценных бумагах, сделках; возратить на территорию

России в установленный срок предметы художественного, исторического и археологического достояния народов РФ и зарубежных стран, вывезенные за ее пределы; сдавать на аффинаж или продавать государству добытые из недр или полученные из вторичного сырья драгоценные металлы; возвращать из-за границы средства в иностранной валюте; платить таможенные платежи и иные налоги; отпускать товары потребителю полной мерой и т. д.) либо нарушении *запретов* (регистрировать незаконные сделки с землей; использовать чужой товарный знак; осуществлять монополистическую деятельность; эмитировать наличные деньги; разглашать сведения, составляющие банковскую, налоговую или коммерческую тайну; вносить в проспект эмиссии недостоверные сведения и т. д.). И все обязанности либо запреты, составляющие содержание общественных отношений в сфере экономической деятельности, безусловно, являются правовыми. Более того, невозможность существования отношений по поводу уплаты налогов, регистрации и получения лицензии, возвращения валютной выручки из-за границы, маркировки товаров и продукции марками акцизного сбора или специальными марками и многих других обязанностей без нормативного их закрепления очевидна даже школьнику.

Следовательно, нормы гл. 22, как и всего разд. VIII УК, охраняют только правоотношения, т. е. общественные отношения, права и обязанности участников которых *уже нормативно закреплены*⁵⁸

⁵⁵ *Бойцов А. И.* Преступления против собственности. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. С. 107. В. М. Ведяхин и С. Н. Ревина, исследовавшие рыночные отношения, также подчеркивают, что «важное значение имеет определение рыночных отношений как правоотношений» (*Ревина С. Н.* К вопросу о понятии и классификации рыночных правоотношений // Вестник института права Самарской государственной экономической академии. 2002. № 2. С. 11; *Ведяхин В. М., Ревина С. Н.* Указ. соч. С. 48).

⁵⁶ См. напр.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1969. № 12. С. 11.

⁵⁷ *Кригер Г. А.* Указ. соч. С. 35. О субъектах права собственности пишет применительно к объекту – общественным отношениям и Г. Л. Кригер (Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М.: Юристъ, 1999. С. 141).

⁵⁸ По сути правоотношениями признают объект преступлений в сфере экономических отношений также Б. В. Яценко и М. Г. Жилкин, указывающие, что отраслевое законодательство (в первую очередь – гражданское) составляет правовую оболочку экономических отношений (*Яценко Б. В., Жилкин М. Г.* Указ. соч. С. 25).

На то, что «экономические» статьи УК защищают отношения, уже созданные не уголовными правовыми актами, указывает и П. С. Яни⁵⁹. И хотя он не называет их правоотношениями, ничем иным созданные правовыми актами отношения быть не могут.

Признание объектом преступлений, как и иных правонарушений, отношений, *урегулированных правом*, соответствует дефиниции объекта правонарушения и в общей теории права⁶⁰.

Представление о родовом объекте преступлений в сфере экономической деятельности как правоотношения вполне корреспондирует определению и видового, и групповых объектов многих преступлений, предусмотренных нормами гл. 22 УК, как *установленного порядка* осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности (соответственно – порядка внешнеэкономической деятельности, уплаты налогов и т. п.):⁶¹ *порядок* общественных отношений определяется правом⁶².

С учетом того, что объект является необходимым элементом состава преступления, а объектом экономического преступления может быть только правоотношение, можно сделать два важных вывода.

Первый – нормы гл. 22 УК охраняют те общественные отношения (и только те), содержанием которых являются права и обязанности, *уже* установленные нормами регулятивного законодательства. В этой связи трудно согласиться с оценкой уголовного права как *регулятора* уже созданных не уголовными правовыми актами отношений⁶³. Р. О. Халфина справедливо указывает, что «правоотношение как единство формы и содержания не может быть предметом правового регулирования, оно – результат правового регулирования»⁶⁴.

Второй вывод состоит в том, что исследование преступлений, как и административных деликтов в сфере экономической деятельности, невозможно без исследования норм всех отраслей, регулирующих отношения в этой сфере: их незнание исключает возможность определить даже наличие или отсутствие объекта конкретного деяния, а следовательно, и состава правонарушения.

3. Единство содержания и формы вовсе не исключает возможности и целесообразности, а иногда и необходимости самостоятельного исследования экономических отношений и их правовой «оболочки». Ведь если содержание определяет форму («форма организации зависит от того, что организуется»⁶⁵), то установление специфики экономических отношений поможет понять и особенности регулирующего их законодательства, а значит и объекта экономических преступлений.

⁵⁹ Яни П. С. Актуальные проблемы уголовной ответственности за экономические и должностные преступления. Дисс... докт. юрид. наук. М., 1996. С. 60.

⁶⁰ Поляков А. В. Общая теория права. Курс лекций. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. С. 609; Общая теория государства и права. Академический курс. В 2 т. Т. 2. Теория права. С. 583; Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М.: Юристъ, 1999. С. 530.

⁶¹ Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности. С. 81–82. – Порядком той или иной экономической деятельности считают групповые объекты многих преступлений этой главы Л. Л. Кругликов (*Кругликов Л. Л. Экономические преступления: понятие, виды, вопросы дифференциации ответственности // Налоговые и иные экономические преступления: Сб. науч. ст. Вып. 1 / Под ред. Л. Л. Кругликова. Ярославль: ЯрГУ, 2000. С. 10–11*) и А. И. Лукашов (*Лукашов А. И. Указ. соч. С. 25*). Общественные отношения производства, распределения, обмена и потребления, порожденные и регулируемые нормативными актами (порядок экономической деятельности), считает видовым объектом экономических преступлений А. П. Горелов (*Горелов А. П. Что охраняют уголовно-правовые нормы об ответственности за экономические преступления? // Законодательство. 2003. № 4. С. 85*).

⁶² Общая теория государства и права. Академический курс. В 2 т. Т. 2. С. 42.

⁶³ Яни П. С. Актуальные проблемы уголовной ответственности за экономические и должностные преступления. Автореф. дисс... докт. юрид. наук. М., 1996. С. 13.

⁶⁴ Халфина Р. О. Указ. соч. С. 113.

⁶⁵ Спиркин А. Г. Философия: Учебник. М.: Гардарики, 1999. С. 302.

Отношения в сфере экономической деятельности, т. е. отношения по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг (иначе еще производственные отношения), не только объективно существуют, но и подчиняются законам, носящим объективный характер, т. е. не зависящим от воли и сознания людей. В то же время, «поскольку ни функционирование производительных сил, ни органически связанные с ними отношения процессов производства, распределения и обмена невозможны без сознательно, волевым образом действующих людей, то производственные, экономические отношения с необходимостью проявляются в форме волевых актов»⁶⁶. Вот почему правовое регулирование этих отношений, с одной стороны, возможно, а, с другой стороны, должно осуществляться с учетом «носящих объективный характер» законов. Однако в силу особенности производственных отношений и «сами» экономические законы постигаются не в каждом «проявлении» этих отношений, а через повторяемость определенных связей между фактами. «Объективный характер отношений распределения, как и всех экономических отношений, обнаруживается более или менее отчетливо лишь при рассмотрении производства в качестве многократно повторяющегося процесса»⁶⁷. «Экономический мир, – пишет П. Самуэльсон, – чрезвычайно сложен. . . Обычно в ходе экономического анализа не представляется возможным проводить контролируемые эксперименты, как это практикуется в научных лабораториях»⁶⁸. Установление прочных, постоянных, существенных причинно-следственных связей между фактами, явлениями, процессами в экономической жизни возможно только через накопление фактов⁶⁹. Это обстоятельство объясняет, почему меры по регулированию экономических отношений могут привести к результатам, противоположным ожидаемым: экономические закономерности *не просто* устанавливаемы, а соответствие им принятых экономических решений *не просто* проверяемо.

Поскольку экономическим отношениям присущи корреляционные связи, их правовое регламентирование, в отличие от регламентирования взаимодействия человека с природой или техникой, хотя, *в конечном счете*, и определяется экономическими условиями, во многом зависит от господствующих научных представлений о государственном регулировании рыночных отношений и лиц, осуществляющих правотворческие функции. «Несмотря на выдвижение на первый план профессионализма и компетентности, – пишет А. Эльянов, – их реальная отдача во многом зависит от мировоззренческих установок»⁷⁰. Дело в том, что даже «коренной» вопрос – о пределах государственного вмешательства в экономику – решался на протяжении столетий по-разному: Д. Норс, Ф. Кенэ, А. Смит отстаивали минимальное вмешательство государства в экономические отношения, в то время как В. Стаффорд и Д. Кейнс, наоборот, отстаивали идеи о необходимости вмешательства в экономику для обеспечения экономического роста. В настоящее время необходимость правового регулирования экономических процессов общепризнанна, однако вопросы о целях, методах осуществления и последствиях регулирования остаются весьма дискуссионными.

Это обстоятельство, в свою очередь, предопределяет сомнительную общественную полезность отдельных «регулирующих» актов. Так, в российской литературе отмечается, что некоторые меры, предпринятые Правительством в экономической сфере, вызывают диаметрально противоположные оценки даже у ведущих специалистов⁷¹.

⁶⁶ Шкрядов В. П. Экономика и право: (Опыт экономико-юридического исследования общественного производства). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Экономика, 1990. С. 6.

⁶⁷ Шкрядов В. П. Указ. соч. С. 9.

⁶⁸ Самуэльсон П. Экономика. Т. 1. М.: НПО «Алгон» ВНИИСи «Машиностроение», 1993. С. 12–13.

⁶⁹ Баликоев В. З. Указ. соч. С. 31. См. также: Спиркин А. Г. Указ. соч. С. 594.

⁷⁰ Эльянов А. Государство в системе догоняющего развития // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 12. С. 60.

⁷¹ Орехова Т. Р. Правовое воздействие на экономику: понятие и формы // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2000.

Волонтаризм политиков, т. е. принятие решений, заведомо не считающихся с объективными требованиями,⁷² возможен везде, но значимость субъективного фактора, создающая благоприятную почву для волонтаризма, гораздо выше в странах догоняющего развития, к которым относят и постсоциалистические⁷³. В условиях сложности прогнозирования соответствия принимаемых решений экономическим законам и волонтаризма в принятии этих решений становится очевидным, что не все нормативные правовые акты, нацеленные на регулирование общественных отношений в сфере экономической деятельности, устанавливают социально и экономически обоснованные обязанности (запреты). Не случайно, в отличие от литературы советского периода, где многократно повторялось утверждение К. Маркса «законодатель не делает законов..., а только формулирует», в постсоветской литературе открыто признается, что правовое воздействие на экономику может быть не только прогрессивным, но и регрессивным, не только стимулирующим, но и тормозящим⁷⁴.

Т. Р. Орехова отмечает, что «прямое соотнесение прав и свобод с реальностями экономического регулирования и экономической жизни, как правило, невозможны», а, следовательно, государство, по сути, свободно «в выборе любого рода воздействия на экономическую сферу вплоть до ошибочного вторжения права в экономические отношения, ведущего к регрессу и затрудняющего достижение конституционных целей»⁷⁵. Вероятность ошибочного решения, положенного в основу нормативного правового акта, значительно возрастает в условиях переходного состояния экономики, поскольку существенной общей чертой переходных процессов в ней является «беспрецедентная неоднозначность, разнонаправленность и неустойчивость протекающих процессов и событий, противоречивость тенденций и неясность закономерностей»⁷⁶.

Иными словами, даже в тех случаях, когда необходимость государственного вмешательства в конкретную сферу экономики не вызывает сомнений, законодатели не всегда точно знают, каким именно должно быть это вмешательство. *Вот почему установленные государством обязанности и запреты для участников экономических отношений нередко являются «пробными шарами», дающими эффект, противоположный ожидаемому.*

Подтвердим сказанное следующим примером.

В экономической литературе на протяжении уже нескольких лет встречались резко отрицательные отзывы предпринимателей о действующих налоговых нормах, исключавших, по их мнению, развитие производства. «Действующий в России механизм налогообложения, основы которого были заложены еще в 1991 г., сегодня становится тормозом экономического и социального развития государства», – вторили предпринимателям ученые⁷⁷.

Это обстоятельство признали, наконец, и официальные лица. «... По мере дальнейшего углубления рыночных преобразований присущие налоговой системе недостатки становились все более и более заметными, а ее несоответствие происходящим в экономике изменениям все более и более очевидным», – указал в проекте письма председателю Госдумы уже

№ 1. С. 77

⁷² Баликоев В. З. Указ. соч. С. 132; Шкредов В. П. Указ. соч. С. 8.

⁷³ Эльянов А. Указ. соч. С. 61.

⁷⁴ Теория государства и права / Отв. ред. В. М. Корельский, В. Д. Перевалов. Екатеринбург: УрГЮА, 1996. С. 63; Орехова Т. Р. Указ. соч. С. 77. См. также: Крапивина Н. С., Плешанов А. Д., Смирнов Ю. М. Макроэкономические условия хозяйствования – основа устойчивого социально-экономического развития // Юридическая мысль. 2002. № 2 (8). С. 28.

⁷⁵ Орехова Т. Р. Указ. соч. С. 77.

⁷⁶ Сорокин В. В. Государственность переходного периода: теоретические вопросы: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. С. 3.

⁷⁷ Гуреев В. Теория определения эффективности правового регулирования налоговой системы в Российской Федерации // Законодательство и экономика. 1999. № 8. С. 11.

премьер-министр РФ. «В результате существующая ныне налоговая система стала явным тормозом экономического развития страны»⁷⁸.

Однако, если сформулированные в нормативных правовых актах экономические решения могут быть ошибочными, ошибочна и охрана «выстроенных» в соответствии с этими актами общественных отношений: *их нарушение не представляет общественной опасности*. Это обстоятельство необходимо учитывать при решении вопросов о декриминализации отдельных деяний в сфере экономической деятельности, темпоральном действии регулятивных норм, связанных с бланкетными нормами УК (см. § 3 гл. 2), обоснованности содержания интеллектуального момента в законодательной дефиниции умысла (см. § 1 гл. 5).

4. Отношения в сфере экономической деятельности чрезвычайно сложны. Только функционирование рынка (формирующегося в России) предполагает соответствующую инфраструктуру, под которой понимают совокупность отраслей, а также организационно-правовые формы, опосредующие кругооборот товаров, услуг, денег⁷⁹. Многообразие составляющих экономику отраслей и форм обуславливает регулирование отношений в сфере экономической деятельности *различными* отраслями права: гражданским, административным, земельным, банковским, финансовым и др. Никакие иные отношения не регулируются нормами стольких отраслей права!

Полиотраслевое регулирование отношений в сфере экономической деятельности означает, что регулятивные нормы могут содержаться в различных источниках: законах (включая федеральные), указах, постановлениях, положениях, правилах, инструкциях, распоряжениях, письмах, корпоративных (локальных) нормативных актах, нормативных договорах. В ст. 5 и 6 ГК РФ закреплена и такой источник, как правовой обычай. Как видим, большое количество «задействованных» в регулировании экономических отношений отраслей права предопределило и *большое разнообразие его форм (источников)*.

Правовому регулированию экономической деятельности присуща и *многоуровневость*. Экономическая деятельность осуществляется хозяйствующими субъектами в разных условиях (не совпадают географо-демографические характеристики, неравномерно размещены производительные силы и т. д.), что требует территориально-дифференцированного правового регулирования этой деятельности. Указанная особенность экономической деятельности обусловила существенную характеристику регулирующих ее нормативных правовых актов: в соответствии со ст. 71 Конституции РФ к ведению Российской Федерации относятся установление только *основ* федеральной политики и федеральные программы в области экономического развития РФ, а также установление правовых *основ* единого рынка, в то время как многие другие вопросы регулирования экономической деятельности относятся либо к совместному ведению Российской Федерации и субъектов РФ, либо только субъектов РФ или муниципальных образований. Анализ структуры законодательства регионов показывает, что именно нормативные правовые акты, *регулирующие экономику*, составляют большинство⁸⁰.

Нормативные правовые акты, регулирующие экономическую деятельность, могут приниматься и органами местного самоуправления. Так, согласно ст. 12 НК РФ (и. 4) местные налоги и сборы устанавливаются Налоговым кодексом РФ и нормативными правовыми актами представительных органов местного самоуправления.

Присущая субъектам экономической деятельности самостоятельность принятия решений также получила правовое закрепление (и. 1 и 2 ст. 1, п. 1 ст. 2, ст. 9 и другие статьи ГК

⁷⁸ Налоги должны обогащать страну, гарантируя благополучие граждан //Российская газета. 2000. 26 мая.

⁷⁹ *Речи некий И. А.* Указ. соч. С. 73.

⁸⁰ *Павлушкин А. В. Чертков А. Н.* Проблемы развития законодательства в сфере экономики //Журнал российского права. 2001. № 10. С. 151.

РФ). В нормативных правовых актах, определяющих порядок создания, правовое положение, права и обязанности коммерческих организаций, особенно подробно регламентируются формирование органов управления, их компетенция и процедура принятия решений. Так, например, в Федеральном законе «Об акционерных обществах» принятию решений посвящены две главы (VII и VIII). Принятие решений (а они могут содержать локальные нормативные акты) в нарушение соответствующих норм является основанием признания их недействительными.

И количество локальных (корпоративных) нормативных правовых актов, регулирующих экономическую деятельность, конечно же, велико.

Все экономические субъекты подчиняются общим правилам, ограничивающим свободу действий каждого обязательными для всех нормами права и границами его владения, но обеспечивающими значительное повышение самостоятельности и экономической активности. «При этом с расширением индивидуальной свободы действий общая упорядоченность и регламентированность экономической деятельности существенно возрастает»⁸¹. Вот почему отношения в сфере экономической деятельности «плотно» урегулированы правом на всем «протяжении» ее осуществления – от формы сделок, порядка регистрации и лицензирования предпринимательской деятельности до банкротства и потребления благ. Как отмечает Т. Р. Орехова, «специфика правового воздействия на экономику заключается в нормативности экономической сферы...»,⁸² что еще раз подтверждает приведенные ранее суждения о том, что экономические отношения могут существовать только в виде правоотношений. Законодатель установил правила «взаимодействия» субъектов на рынке, обязанность платить законно установленные налоги, обязанности соблюдать определенные правила при осуществлении деятельности, связанной с драгоценными металлами и природными драгоценными камнями, правила внешнеэкономической деятельности, включая обязанность возвращать в Россию средства в иностранной валюте, и целый ряд других обязанностей. Поэтому велико не только количество нормативных актов, регулирующих отношения в сфере экономической деятельности, но и объем этих актов (достаточно вспомнить налоговое и таможенное законодательство, законодательство о ценных бумагах⁸³).

Сложность экономических отношений обуславливает и высокую сложность регулирующих их нормативных правовых актов. Некоторые из них без предварительного ознакомления с предыдущими, регулиющими тот же сектор экономических отношений, или юридического словаря не могут быть поняты ввиду обилия специальных терминов.

Резюмируя изложенное, можно констатировать регулирование экономических отношений огромным неоднородным массивом регулятивных норм, что существенно затрудняет определение правомерности действия (бездействия) субъектов экономической деятельности как правоохранительными органами, так и самими этими субъектами, и что, *в свою очередь*, резко актуализирует вопрос об интеллектуальном моменте умысла в преступлениях в сфере экономической деятельности.

5. Экономические отношения чрезвычайно *подвижны*: они развиваются, подчиняясь не только экономическим законам. На них оказывают влияние природные катаклизмы и политические события (засуха, война, длительное отсутствие избранного в надлежащем порядке Президента, губернатора, популистские меры в предвыборный период и т. д.). Реагирование экономических отношений на множество внутригосударственных и внешних

⁸¹ Курс экономической теории. Общие основы экономической теории, микроэкономика, макроэкономика, переходная экономика. С. 89.

⁸² Орехова Т. Р. Соотношение права и экономики (общетеоретические аспекты). Автореф. дисс... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 7.

⁸³ Одно только Положение о простом и переводном векселе содержит 78 статей (ФЗ от 11 марта 1997 г. «О простом и переводном векселе» //СЗ РФ. 1997. № 11. Ст. 1238).

факторов – одна из причин *высокой динамичности* регулирующего их законодательства (наряду с закрепленными в нем ошибочными экономическими решениями). Так, в России, забывшей о несостоятельности в советский период, только за десять последних лет трижды принимались законы о несостоятельности⁸⁴, трижды принимались общероссийские нормативные правовые акты (постановление Правительства и два закона) о лицензировании в целом⁸⁵, процесс изменений и дополнений в налоговое законодательство превратился в перманентный.

Указанная особенность норм, регулирующих экономические отношения, обострила вопрос об их темпоральном действии «в связке» с уголовно-правовыми нормами, предусмотренными гл. 22 УК (см. § 3 гл. 2).

6. Как отмечалось, российскую экономику относят к переходной. Социально-экономическая трансформация обусловила противоречивость протекающих в стране процессов, противоположный характер сосуществующих явлений, что существенно затрудняет теоретическое осмысление тенденций и закономерностей. В этих условиях повышается роль права в формировании будущей экономической модели общества. Специфика переходного периода состоит не столько в том, что законодательство, регулирующее экономические отношения, отражает происходящие изменения, а в том, что сама экономическая система общества формируется посредством права, регламентирующего сосуществование «прежней» и «новой» экономики⁸⁶. Поскольку завершение переходного периода предполагает «демонтаж» правовых средств, обеспечивающих сосуществование «прежней» экономики, в литературе даже отстаивается необходимость издания и действия в переходный период *только* временных правовых актов⁸⁷. Эта позиция небесспорна, но временность не может быть вовсе не присуща нормативным правовым актам (или отдельным их нормам) переходного периода, регулирующим экономические отношения. Эта специфика регулятивного «экономического» законодательства детерминирует и временность некоторых уголовно-правовых норм: потребность в охране временных правоотношений отпадает вслед за заменой их новыми. Так, представляется, что не имеют «постоянной прописки» в УК РФ ст. 169 и 193, 171 и 172⁸⁸. Необходимость включения в Уголовный кодекс первой из них объяснима, с нашей точки зрения, инерционностью управления экономикой в переходный период, когда чиновники, управомоченные регистрировать организации, выдавать лицензии на осуществление определенных видов деятельности и совершать иные юридически значимые действия, продолжают видеть опасность во внедрении частной собственности и не желают мириться с лишением их правомочий непосредственно воздействовать на хозяйствующих субъектов.

Необходимость в установлении уголовной ответственности⁸⁹ за невозвращении валютной выручки из-за границы вызвана масштабами утечки капитала из России. По различным оценкам, из страны незаконно вывезено от 120 до 150 млрд долл., что почти в пять раз превышает годовой бюджет страны,⁹⁰ а ежегодный вывоз, по оценкам экспертов, составляет 20 млрд долл.⁹¹

⁸⁴ Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 1. Ст. 6; СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 222; СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

⁸⁵ СЗ РФ. 1995. № 1. Ст. 69; СЗ РФ. 1998. № 39. Ст. 4857; СЗ РФ. 2001. № 33 (Часть I). Ст. 3430.

⁸⁶ Тарасов О. Н. Указ. соч. С. 8.

⁸⁷ Сорокин В. В. Указ. соч. С. 7.

⁸⁸ По мнению М. В. Талан, при стабилизации рыночных отношений возможна декриминализация деяний, предусмотренных статьями 193, 171¹, 173, 194 УК и др. (Талан М. В. Преступления в сфере экономической деятельности: вопросы теории, законодательного регулирования и судебной практики. Автореф. дисс... канд. юрид. наук. Казань, 2002. С. 9).

⁸⁹ См. также: ч. 2 ст. 15.25. КоАП РФ.

⁹⁰ Где закопаны русские деньги? // Российская газета. 2000. 17 нояб.

⁹¹ Полтавченко Г. Прозрачный бизнес – сильная экономика // Российская газета. 2001. 25 апр.

Этот российский феномен бегства капитала вытекает, во-первых, из специфики *первоначального накопления капитала* путем теневого перераспределения доходов и, во-вторых, из стремления хозяйствующих субъектов стабилизировать (или наращивать) уровень доходов в обстановке спада производства и своеобразном деловом климате в России в переходный период (тяжелое налоговое бремя, низкий уровень гарантий безопасности бизнеса, недостроенность рыночной правовой базы и т. д.)⁹². С исчезновением факторов, провоцирующих высокие масштабы утечки капитала, исчезнет необходимость либо в уголовно-правовых мерах по обеспечению исполнения обязанности возвращать средства в иностранной валюте, либо эта обязанность будет «снята» и регулятивным законодательством. Как показывает мировой опыт, «наличие тех или иных ограничений на проведение валютных операций является характерной чертой большинства развивающихся стран и стран с переходной экономикой» либо периода нестабильности⁹³.

Совершенствование налогового и иных видов учета и контроля, с одной стороны, повышение требовательности к тем, кто оказывает услуги (производит или реализует товары) со стороны заказчиков, с другой стороны, затруднит осуществление незаконного предпринимательства в тех «параметрах», которые, по мнению законодателя, делают его общественно опасным. Поэтому не долгая «жизнь» может быть и у ст. 171 и 172 УК, хотя предоставление займа на определенных условиях (ростовщичество) признается преступлением в странах и с рыночной экономикой.

7. Особым, самостоятельным явлением в современной экономике стала глобализация. Несмотря на дискуссионность ее сущности, даже те концепции, в которых глобализация не считается чем-то феноменальным, связывают ее с *беспрецедентно* высоким уровнем взаимозависимости национальных экономик⁹⁴. Важнейшая черта глобального характера современной интернационализации заключается в том, что международные потоки товаров, услуг, капитала и информации контролируются не национальным, а международным законодательством.⁹⁵ Учитывая незначительное время развития экономики России рыночным курсом и «непричастность» ее к ряду международных соглашений, можно утверждать, что глобализация в экономике обуславливает определенную унификацию нормативных правовых актов⁹⁶, регулирующих экономические отношения в России, с аналогичными актами за рубежом, или регулирование части их международными договорами. Необходимость единого правового поля, в частности, стран СНГ и Европы, уже отмечалась участниками международного юридического форума 2003 г.⁹⁷ По мнению академика Э. Г. Кочетова, «сами геофинансовые, геоэкономические системы формируют новую модель права – мировую глобализованную правовую систему», в связи с чем он предлагает заменить термин «международное экономическое право» на «геоэкономическое право». Автор указывает, что под влиянием этих систем трансформируются основополагающие правовые институты, а именно: отношения собственности, договоры, соотношение публичного и частного интереса и др.⁹⁸ Использование высоких геофинансовых и геоэкономических технологий способно

⁹² Мельников В. Н. О развитии системы валютного регулирования и валютного контроля в Российской Федерации на современном этапе // Деньги и кредит. 1999. № 5. С. 10.

⁹³ Саркисянц А. Г. Либерализация валютного регулирования: мировой опыт // Финансы. 2002. № 1. С. 7, 9.

⁹⁴ Костин А. Л. Глобализация и мировые тенденции укрупнения капитала // Финансы и кредит. 2001. № 5. С. 269–270.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Так, отсутствие международных многосторонних договоров о добросовестной конкуренции требует, как минимум, разработки поправок к национальному антимонопольному законодательству с учетом новых, глобальных условий конкуренции (Там же. С. 274).

⁹⁷ Глобализация, государство, право, XXI век // Журнал российского права. 2003. № 2. С. 3.

⁹⁸ Кочетов Э. Г. Основные характеристики глобализационного процесса и правовое измерение мира // Журнал российского права. 2003. № 3. С. 93–94.

«буквально опустошить любую национальную экономику...». Умышленные действия глобальных предпринимателей (кредитные удары, развал банковской инфраструктуры и фондового рынка и т. и.) Э. Г. Кочетов считает нужным квалифицировать как геоэкономические преступления.

Глобальная трансформация мира, трансформация регулятивного законодательства с усилением его наднациональной составляющей влечет «сближение» российских уголовно-правовых норм, охраняющих эти отношения, с соответствующими нормами в зарубежных уголовных кодексах и повышение удельного веса конвенциональных преступлений в сфере экономической деятельности. Кроме того, с нашей точки зрения, сами международные конвенции должны утрачивать рамочный характер: предоставление государствам-участникам возможности признавать преступлениями только *часть* деяний, общественная опасность которых общепризнанна," способствует не столько борьбе с ними, сколько их территориальному «перераспределению».

8. Изменение законодательства, регулирующего отношения в сфере экономической деятельности, может, не оказывая прямого воздействия на охраняющие их нормы УК, влиять на назначение отдельных уголовно-правовых норм (см. § 5 гл. 4).

9. С. С. Алексеев отмечает, что в зависимости от того, совпадают ли интересы участников правоотношений с теми задачами, которые преследует правовое регулирование, существует либо «энергетическое поле» активности (при совпадении), либо такое же «поле» сдерживания (если «сумма интересов» не согласуется с указанными задачами)⁹⁹ ¹⁰⁰. Результативность правовых средств может быть высокой только в первом «энергетическом поле»: при втором – участники не «очень-то склонны подчиняться обязательным требованиям»¹⁰¹.

Примером «энергетического поля» второго типа является «поле» действия норм налогового права: налогоплательщики неохотно и не в полной мере подчиняются своей конституционной обязанности платить налоги. Представители правоохранительных органов – тоже налогоплательщики, и поэтому применение «налоговых» норм УК (ст. 194, 198, 199) отличается большей «склонностью» к освобождению виновных от уголовной ответственности в связи с их деятельным раскаянием в сравнении с другими нормами Особенной части УК, «сопровождаемыми» примечаниями об условиях такого освобождения. Д. И. Митюшев, исследовавший практику освобождения от уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступлений, предусмотренных ст. 198 и 199 УК, в Республике

Коми, отмечает, что в соответствии с примечанием к ст. 198 УК было прекращено 60,8 % уголовных дел в 2001 г. и 40 % – за шесть месяцев 2002 г.¹⁰² При этом, подчеркивает он, нередко обвиняемый никак не способствовал раскрытию преступления (за исключением признания своей вины, в том числе и после того, как ему предъявляли материалы, доказывающие ее)¹⁰³. Имея в виду такое «поле» сдерживания, Пленуму Верховного Суда, очевидно, было бы целесообразно отметить недопустимость толкования словосочетания «если оно способствовало раскрытию преступления...», использованного в примечании к ст. 198

⁹⁹ Так в п. 3 ст. 6 Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности установлено, что «каждая сторона может принять меры, которые она сочтет необходимыми, чтобы придать на основании своего внутреннего права характер уголовных правонарушений совокупности или части действий, описанных в пункте 1...» (СЗ РФ. 2003. № 3. Ст. 203).

¹⁰⁰ Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М.: «Статут», 1999. С. 386–387.

¹⁰¹ Митюшев Д. И. Налоговые преступления (спорные вопросы ответственности). Автореф. дисс... канд. юрид. наук. Красноярск, 2002. С. 4.

¹⁰² Митюшев Д. И. Налоговые преступления (спорные вопросы ответственности). Автореф. дисс... канд. юрид. наук. Красноярск, 2002. С. 4.

¹⁰³ Митюшев Д. И. Налоговые преступления (спорные вопросы ответственности). Дисс... канд. юрид. наук. Красноярск, 2002. С. 153.

УК, как признания вины в случаях, когда она уже установлена собранными по делу доказательствами.

Другим примером учета «энергетического поля» сдерживания может быть «поле» действия Закона «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»¹⁰⁴. Уголовно-правовым средством обеспечения норм этого Закона стала, в частности, и ст. 178 УК. Субъектом предусмотренного ею преступления, отмечает Б. В. Волженкин, могут быть не только руководители коммерческих и некоммерческих организаций, занимающиеся предпринимательской деятельностью, и индивидуальные предприниматели, но и должностные лица федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления, могущие участвовать в сговоре с хозяйствующими субъектами или самостоятельно¹⁰⁵. Круг субъектов преступления несколько расширился в связи с внесением в 2002 г. изменений в Закон «О конкуренции...»: запрет принимать акты и (или) совершать действия, которые ограничивают самостоятельность хозяйствующих субъектов, отныне распространяется и на законодательные органы субъектов РФ.

«Вхождение» должностных лиц перечисленных органов в число субъектов монополистических действий и ограничения конкуренции в условиях сохранения в России порядка государственного всевластия, «когда вместо свободной конкурентной рыночной экономики доминирующее значение приобрел строй прогосударственного номенклатурно-кланового капитализма»¹⁰⁶, принятие актов этими органами либо их должностными лицами, создающих дискриминирующие или благоприятствующие условия деятельности отдельным субъектам, нередко содержат все признаки преступления, предусмотренного ст. 178 УК.¹⁰⁷ С учетом совершения указанного преступления и в форме принятия нормативных правовых актов подобные акты должны тщательно анализироваться, а не составлять «незыблемую» основу для правовых выводов в отношении тех, чьи права и обязанности установлены этими актами.

Полагаем, соответствующее разъяснение Пленума Верховного Суда было бы отнюдь не лишним. Заслуживает в таких условиях внимания и предложение В. И. Тюнина предусмотреть в ст. 178 УК ответственность специального субъекта преступления – должностного лица¹⁰⁸.

10. Экономическое регулятивное законодательство, как отмечалось применительно к установлению уголовной ответственности за невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте, составляет часть важной проблемы – проблемы провоцирования им экономических преступлений. «Сама система государственного регулирования, – отмечает Н. Н. Седова, – может оказаться дополнительным фактором усиления неформальных отношений в экономике. Слишком узкие и жесткие институциональные рамки, чрезмерная государственная регламентация экономики при отсутствии легальных способов эффективной экономической деятельности могут вызвать дальнейшее углубление ее неформализации»¹⁰⁹. Комментируя взаимосвязь масштабов распространения «теневого» экономики с государственным

¹⁰⁴ Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 32. Ст. 1882; СЗ РФ. 1995. № 22. Ст. 1977; Российская газета. 2001.31 дек.; СЗ РФ. 2002. № 41. Ст. 3969.

¹⁰⁵ Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности. С. 305.

¹⁰⁶ Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия. С. 387; Рывкина Р. Российское общество как теневая социально-экономическая система // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 4 С. 44.

¹⁰⁷ Возможность совершения преступлений должностными лицами путем издания актов общего характера рассматривает и положительно решает Б. В. Волженкин (Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности. С. 138).

¹⁰⁸ Тюнин В. И. Уголовно-правовая охрана отношений в сфере экономической деятельности. Автореф. дисс... докт. юрид. наук. СПб., 2001. С. 38.

¹⁰⁹ Седова Н. Н. Неформальная экономика в теории и российской практике // Общественные науки и современность. 2002. № 3. С. 53.

регулируемым, Портес выдвинул предположение, что растущая деформализация общественной жизни – особая форма приспособления к растущему вмешательству государства и глобализации экономики¹¹⁰. Правильность этого общего предположения подтверждает, в частности, связь налогового законодательства и поведения налогоплательщиков. Так повышение налогового бремени¹¹¹ влечет не только отток капиталов за границу, но целый «комплекс» других преступлений – незаконное предпринимательство (ст. 171, 172 УК), контрабанду (ст. 188 УК), уклонение от уплаты налогов (ст. 198, 199 УК) и таможенных платежей (ст. 194 УК). «Общеизвестно, – отмечается в юридической литературе, – что существует обратная зависимость между ставкой налогообложения и количеством собираемых налогов»¹¹², что в «переводе на язык» уголовного права означает такую же зависимость между ставкой налогообложения и числом преступлений, предусмотренных ст. 194, 198 и 199 УК.

Поэтому при всей необходимости государственного вмешательства в экономику оно должно обеспечивать максимальное совпадение интересов государства и его членов.

11. Конечно, особенности экономических отношений воплощены в нормах регулятивных отраслей права, и, как правило, только через последние «впитываются» уголовно-правовыми нормами. Но некоторые особенности этих отношений (уточним – поведения их участников) должны непосредственно учитываться при криминализации деяний в сфере экономической деятельности, толковании и применении «экономических» норм УК.

Так, известно, что «экономическая выгода составляет основу всей ткани экономической жизни... продающий во что бы то ни стало хочет продать подороже, а покупатель – купить подешевле»¹¹³. В целом ряде случаев максимизировать или получить прежнюю выгоду, не прибегнув к обману, объективно невозможно, поэтому обман – распространенный и древний «спутник» экономической деятельности, «удачно» заменяющий иные способы воздействия на других участников экономических отношений. В экономических публикациях даже указывают на действие закона обязательного обмана¹¹⁴.

По мнению профессора А. М. Яковлева, обман является (должен являться) системообразующим признаком при определении преступности в этой сфере, и его отсутствие «лишает основания уголовно-правовую реакцию на действия в сфере экономической деятельности вне зависимости от количества полученного дохода или размера ущерба...»¹¹⁵. Такое утверждение представляется излишне категоричным: не случайно в правовой реальности признак обмана (злоупотребления доверием) не стал системообразующим.

В то же время, являясь разновидностью способов парализации воли хозяйствующих субъектов (их представителей), обман может стать главным или одним из нескольких объективных признаков, определяющих общественную опасность содеянного. Не случайно в *преступлениях, предусмотренных нормами гл. 22 УК, обман выступает способом совершения чаще, чем в нормах других глав УК РФ*. Частота использования обмана при описании объективной стороны преступления составляет, таким образом, особенность объективной стороны преступлений в сфере экономической деятельности.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ По данным В. Л. Тамбовцева, в 1996 г. уровень налогообложения при честной уплате всех налогов доходил до 70–80 % от прибыли (*Тамбовцев В. Л. Государство и экономика*. М.: Магистр, 1997. С. 39).

¹¹² *Кокушкина И. В.* «Теневая» экономика и «черный» рынок в мировом хозяйстве // *Юридическая мысль*. 2001. № 3. С. 70.

¹¹³ *Спиркин А. Г.* Указ. соч. С. 642.

¹¹⁴ *Орехина М.* Действие законов Паркинсона на долговом рынке, или Чем руководствуются участники рынка при принятии решений // *Рынок ценных бумаг*. 2003. № 8. С. 54.

¹¹⁵ *Яковлев А. М.* Законодательное определение преступлений в сфере экономической деятельности // *Государство и право*. 1999. № 11. С. 41–42.

Конечно, значение указанного способа различно. В некоторых преступлениях (ст. 176, 182, 186, 187, 197, 200 УК) обман является *конститутивным признаком* объективной стороны, в других – *альтернативным конститутивным признаком* (ст. 170, 171, 181, 185, 185¹, 188, 195, 198, 199 УК). Обман отчетливо просматривался бы при развернутом описании коммерческой организации в ст. 173 УК, во многих преступлениях возможность выполнения объективной стороны путем обмана (но не единственно им) логически вытекает из ее описания. Так, легализация (ст. 174, 174¹ УК) может осуществляться путем совершения мнимых сделок; злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177) возможно путем представления поддельных документов, доказывающих отсутствие имущества у виновного; сведения, составляющие коммерческую или банковскую тайну (ч. 1 ст. 183), можно получить путем обмана в полномочиях виновного; невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте (ст. 193) возможно путем занижения стоимости экспортируемого и завышения стоимости импортируемого товара. Не вызывает сомнения, что с использованием обмана можно уклониться от уплаты таможенных платежей (ст. 194), совершить преднамеренное банкротство (ст. 196). Производство, приобретение, хранение, перевозка в целях сбыта или сбыт товаров либо продукции, маркированных поддельными акцизными или специальными марками, если товары (продукция) подлежат обязательной соответствующей маркировке, квалифицируются не только по ч. 2 ст. 327¹ УК, но и по ст. П⁴УК.

Обман как признак объективной стороны преступлений в сфере экономической деятельности характеризуется тем, что в отличие от мошеннического обмана, или обмана в причинении имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, как правило, *не может быть бесконечно разнообразным по содержанию*. Содержание обмана в преступлениях в сфере экономической деятельности ограничивается определением искажаемых сведений (предметов) нормативными актами, регулирующими соответствующий пласт общественных отношений, либо непосредственно уголовно-правовыми нормами (ст. 170, 176, 182, 185, 185¹, 197, 198, 199), однако и в последнем случае содержание обмана предопределено регулятивным законодательством. Поэтому, если включение обмана в качестве признака объективной стороны многих преступлений гл. 22 УК, в конечном счете, обусловлено ненормативными правовыми актами, регулирующими отношения в сфере экономической деятельности, то содержание обмана, напротив, чаще всего – именно ими. Так содержание обмана в ст. 185 УК в целом ограничено диспозицией этой нормы (информация, вносимая в проспект эмиссии или отчет об итогах выпуска ценных бумаг), а конкретно – перечнем сведений, перечисленных в ст. 22 и 25 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. «О рынке ценных бумаг»¹¹⁶. Включение в проспект эмиссии искаженных сведений, не указанных в этих статьях, не образует преступления, предусмотренного ст. 185¹¹⁷. Безусловно, искажение учетных данных Государственного земельного кадастра образует внесение тех сведений, которые определены в гл. III Федерального закона от 2 января 2000 г. «О Государственном земельном кадастре»¹¹⁸, предметом преступления, предусмотренного ст. 186 УК, являются часть российской валюты и иностранная валюта, понятие которых раскрывается в п. 1 и 3 ст. 1 Закона РФ от 9 октября 1992 г. «О валютном регулировании и валютном контроле»¹¹⁹ и Федеральном законе «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»¹²⁰.

¹¹⁶ СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918; 1998. № 48. Ст. 5857; 1999. № 28. Ст. 3472; 2001. № 33 (Часть I). Ст. 3424.

¹¹⁷ Горелик А. С., Шишко И. ВХлупина Г. Н. Преступления в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Краснояр. гос. ун-т, Красноярск, 1998. С. 92.

¹¹⁸ СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 149.

¹¹⁹ Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 45. Ст. 2542; СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2290; Российская газета. 2002. 31 дек.

¹²⁰ СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790; 2003. № 2. Ст. 157.

Указание в диспозиции ч. 1 ст. 176 УК на ложность сведений именно о хозяйственном положении либо финансовом состоянии и отсутствие законодательного определения последних вызвали дискуссию по поводу того, какие конкретные сведения характеризуют финансовое состояние и хозяйственное положение. При этом попытки дать исчерпывающий перечень таких сведений оказались напрасными: их содержание определяется локальными нормативными правовыми актами банков.

Плотное регулирование правом экономических отношений, а в переходный период и интенсивное формирование регулятивным законодательством новых экономических отношений, обозначили актуальность исследования обусловленности норм гл. 22 УК не фактическими экономическими отношениями, а регулируемыми их нормами права.

Глава 2

Отражение отношений в сфере экономической деятельности в УК РФ: особенность диспозиций норм главы 22 ук; проблемы отраслевой принадлежности, формы и действия в пространстве и во времени связанных с ними регулятивных норм

§ 1. Бланкетность как типичная характеристика диспозиций норм главы 22 УК

«...Область преступных деяний, – писал Н. Д. Сергеевский, – изменяется в истории; но при том важнейшие преступные деяния отличаются несравненно меньшей изменчивостью, чем преступные деяния маловажные. Изменение первых зависит от *крупных, коренных реформ* (курсив наш. – И. Ш.) и переворотов в государстве и обществе...»¹²¹ Сказанное в полной мере подтверждает и уголовное законодательство второй половины XX в. Особенности части российских уголовных кодексов 1960 и 1996 гг. *наиболее существенно* отличаются нормами, устанавливающими ответственность за экономические преступления (по терминологии УК 1960 г. – хозяйственные преступления). И это вполне объяснимо: коренные изменения в экономике потребовали и кардинального пересмотра деяний, признаваемых преступными в сфере экономической деятельности.

Существенная модернизация «экономических» уголовно-правовых норм вызвала серьезные трудности и, как следствие, разногласия в толковании норм гл. 22 УК РФ. Несовпадения в толковании, однако, объясняются не только появлением новых преступлений (неизвестных российскому уголовному праву вообще или праву советского периода), но и такой особенностью норм этой главы, как бланкетность. Правда, в юридической литературе «распространенность» бланкетности в нормах указанной главы УК определяется по-разному.

Л. Д. Гаухман относит к бланкетным не все нормы, устанавливающие ответственность за преступления в сфере экономической деятельности. В их число он включает ст. 169–172, ст. 174 и некоторые другие¹²².

Встречается утверждение, что бланкетные или описательно-бланкетные диспозиции имеют *многие* статьи гл. 22 УК¹²³ или большинство¹²⁴.

¹²¹ Пособие к лекциям Сергеевского Н. Д., заслуженного профессора С.-Петербургского Императорского Университета. С.-Петербург, 1905. С. 60.

¹²² Гаухман Л. Д. Проблемы УК: бланкетность, декларативность, казуистичность // Уголовное право в XXI веке: Материалы Международной научной конференции на юрид. факте МГУ им. М. В. Ломоносова 31 мая – 1 июня 2001 г. М.: «Лэкс-Эст», 2002. С. 48.

¹²³ Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности. С. 103; Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. д.ю.н., проф. Н. Т. Ветрова и д.ю.н., проф. Ю. И. Ляпунова. С. 289.

¹²⁴ Шутило О. В. Законодательная техника при описании преступлений в сфере экономической деятельности // Законодательная техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. статей: в 2 т. / Под ред. акад. РАЕН и ПАНИ В.М. Баранова Н. Новгород. 2001. Т. II. С. 328.

По мнению Н. А. Лопашенко, «абсолютное большинство диспозиций норм экономических преступлений следует отнести к бланкетным», а исключения составляют преступления, предусмотренные ст. 175, 179 и 184 УК¹²⁵.

В. И. Тюнин отмечает, что бланкетность имманентна составам преступлений, предусмотренных гл. 22 УК, однако некоторые составы (например, неправомерного воспрепятствования законной предпринимательской деятельности) автор не рассматривает как бланкетные¹²⁶.

П. С. Яни относит к бланкетным все статьи об экономических преступлениях¹²⁷.

М. В. Талан пишет, что диспозиции норм этой главы носят бланкетный характер¹²⁸. И, хотя автор непосредственно не отмечает, что бланкетность присуща *всем нормам* гл. 22 УК, полагаем, что иной вывод из ее заключения сделать нельзя.

Несовпадение в определении степени распространенности бланкетности в нормах гл. 22 УК не случайно. Оно, очевидно, имеет причиной различное понимание самой бланкетной диспозиции. Отсутствие ясности в том, какие диспозиции следует отнести к бланкетным, отмечал еще В. В. Соколов¹²⁹.

Сравнение определений бланкетных диспозиций, предложенных в научной литературе, позволило выделить в них *два компонента*: характеристику описания признаков преступления (первый компонент) и указание на связь таких диспозиций с нормами других отраслей права (второй компонент). Н. И. Пикуров добавляет еще один (третий) компонент: по его мнению, бланкетная диспозиция свидетельствует о нарушении иных нормативных актов¹³⁰. Однако, нам представляется, что *все*, а не подавляющее большинство преступных деяний, как указывает сам Н. И. Пикуров¹³¹, противоречат нормам иных отраслей права (это положение будет обосновано в третьей главе настоящей работы) и, следовательно, мы не можем согласиться с выделением такого компонента, как присущего исключительно бланкетным диспозициям.

И. Я. Козаченко¹³², Р. Р. Галиакбаров¹³³, И. А. Семенов¹³⁴ включают в определение единственно второй компонент (таким образом, он стал общепризнанной характеристикой бланкетных диспозиций), хотя большинство дефиниций содержат оба.

Отличие определений бланкетных диспозиций заключается, однако, не только в количестве компонентов, но и их содержании.

Так, связь бланкетной диспозиции с нормативными правовыми актами других отраслей в основном формулируется авторами двояким образом.

Часть авторов (Н. Д. Дурманов¹³⁵, Ю. М. Ткачевский¹³⁶, В. Н. Наумов, А. Н. Игнатов¹³⁷, Р. Р. Галиакбаров, Н. И. Пикуров) указывают, что бланкетные нормы УК *отсылают* (содер-

¹²⁵ Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Саратов, 1997. С. 23.

¹²⁶ Отметим, что автор называет бланкетными составы (Тюнин В. И. Некоторые аспекты толкования, применения и совершенствования уголовного законодательства, охраняющего отношения в сфере экономической деятельности. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2001. С. 4).

¹²⁷ Яни П. С. Экономические и служебные преступления. С. 46.

¹²⁸ Талан М. В. Указ. соч. С. 11.

¹²⁹ Соколов В. В. Принцип «nullum crimen, nulla poena sine lege» // Советское государство и право. 1980. № 12. С. 96.

¹³⁰ Пикуров Н. И. Применение следователем уголовно-правовых норм с бланкетной диспозицией: Лекция. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1985. С. 10.

¹³¹ Там же.

¹³² Российское уголовное право: Курс лекций. Т. 1. Преступление / Под ред. проф. А. И. Коробеева. С. 172.

¹³³ Галиакбаров Р. Р. Уголовное право. Общая часть: Учебник. Краснодар.: Кубанский госагроуниверситет, 1999. С. 49.

¹³⁴ Уголовный закон. Преступление. Уголовная ответственность: Учеб. пособие / Отв. ред. И. Я. Козаченко. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 1991. С. 71.

¹³⁵ Курс советского уголовного права. В 6 т. Т. 1. М.: Изд-во «Наука», 1970. С. 175.

жат ссылку) к не уголовным актам. Другая (меньшая) группа авторов (И. И. Солодкин, И. А. Семенов) считают, что к этим актам *нужно обращаться* для уяснения бланкетных диспозиций.

По содержанию первого компонента все определения также «распадаются» на две группы.

Н. Д. Дурманов¹³⁸, И. И. Солодкин¹³⁹ и некоторые другие авторы, выделяя такую разновидность диспозиций норм Особенной части УК, как бланкетные, утверждали, что таковыми называются диспозиции, в которых *не определяются признаки преступления*. Аналогичные определения можно найти и в юридической литературе последних лет. Так, А. В. Наумов указывает, что бланкетной называется диспозиция, которая непосредственно в самом уголовном законе не определяет признаки преступного деяния, а отсылает для этого к другим законам или иным нормативным актам другой отрасли права¹⁴⁰. Такого же мнения придерживаются Л. Д. Гаухман¹⁴¹ и Э. С. Тенчов¹⁴².

По мнению Ю. М. Ткачевского, А. Н. Игнатова, В. В. Соколова¹⁴³, Н. И. Пикурова¹⁴⁴, Ю. Е. Пудовочкина¹⁴⁵ и других криминалистов, бланкетные диспозиции *содержат описание признаков преступления*. В то же время способ описания признаков преступления в авторских определениях имеет вариации: А. Н. Игнатов и И. И. Пикуров называют описание *неточным*, В. В. Соколов – *обобщающим*, Ю. М. Ткачевский – *неконкретным*, Ю. Е. Пудовочкин – *«определенным уровнем абстракции»*.

Проанализируем приведенные дефиниции, начав с первого компонента.

Прежде всего, представляется принципиально ошибочным утверждение об отсутствии в бланкетных диспозициях признаков (или некоторых признаков) преступления. Основные аргументы против подобного утверждения, исходя из избранной структуры работы, будут изложены в следующем параграфе настоящей главы, однако ряд других приведем здесь.

1. Определение бланкетной диспозиции уголовно-правовой нормы как не содержащей признаков преступления *противоречиво само по себе*. Если диспозицией нормы Особенной части называют ту ее часть, в которой содержится определение предусмотренного ею преступления, то почему часть нормы, не содержащей описания признаков преступления, все равно считают разновидностью диспозиций? Логичными могут быть только два вывода: либо бланкетная норма Уголовного кодекса не имеет диспозиции, либо бланкетная диспозиция содержит все признаки преступления, но в их описании есть особенное.

А поскольку приверженцы отрицания в бланкетных диспозициях признаков преступления подчеркивают, что такие диспозиции не превращают уголовно-правовой запрет лишь

¹³⁶ Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении. Учебник для вузов / Под ред. д.ю.н., проф. Н. Ф. Кузнецовой, к.ю.н., доц. И. М. Тяжковой. М.: Изд-во ЗЕРЦАЛО, 1999. С. 90.

¹³⁷ Уголовное право России. Учебник для вузов. В 2 т. Т. 1. Общая часть / Отв. ред. д.ю.н., проф. А. Н. Игнатов, д.ю.н., проф. Ю. А. Красиков. М.: Изд-во НОРМА, 2000. С. 24.* Термином «не уголовные акты» здесь и далее охватываются нормативные правовые акты в части, не содержащей охранительных норм, т. е. норм с карательной (штрафной санкцией).

¹³⁸ Курс советского уголовного права. В 6 т. Т. 1. С. 175.

¹³⁹ Курс советского уголовного права. В 5 т. Часть Общая. Т. 1 / Под ред. М. Д. Шаргородского, Н. А. Беляева. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. С. 79.

¹⁴⁰ Российское уголовное право. Общая часть.: Учебник. М.: Изд-во «Спарк», 1997. С. 58; Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М.: Изд-во БЕК, 1996. С. 91.

¹⁴¹ Гаухман Л. Д. Проблемы УК: бланкетность, декларативность, казуистичность. С. 48.

¹⁴² Тенчов Э. С. Специфика языка уголовного закона // Законодательная техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. статей. В 2 т. / Под ред. акад. РАЕН и ПАНИ В. М. Баранова. Н. Новгород. 2001. Т. II. С. 450.

¹⁴³ Соколов В. В. Принцип «nullum crimen, nulla poena sine lege». С. 97.

¹⁴⁴ Пикуров Н. И. Применение следователем уголовно-правовых норм с бланкетной диспозицией: Лекция. С. 7.

¹⁴⁵ Пудовочкин Ю. Е. Источники уголовного права Российской Федерации // Журнал российского права. 2003. № 5. С. 69.

в уголовно-правовую санкцию за нарушение норм иной отрасли права¹⁴⁶, следует резюмировать, что они все-таки усматривают эти признаки, хотя бы последние и были необычно изложены.

2. Определенное рассогласование есть, на наш взгляд, и в других суждениях авторов.

Так, отстаивая отсутствие признаков преступления в бланкетной диспозиции, профессор А.В. Наумов в качестве примера такой диспозиции приводит ч. 1 ст. 143 УК и отмечает: «Сами эти правила (имеются в виду правила техники безопасности и охраны труда. – *И. Ш.*) не расшифровываются (курсив наш. – *И. Ш.*) в уголовном законе...»¹⁴⁷ Однако указание на нерасшифровывание подтверждает не отсутствие признаков преступления в диспозиции, а наоборот – их наличие (ведь есть объект дешифрования!). Термин «расшифровывание» лишь удачно подчеркивает особенность изложения одного из признаков состава преступления, что как раз и признают сторонники наличия признаков преступления в бланкетной диспозиции.

Н. Д. Дурманов, как и А. В. Наумов, утверждая, что признаки преступления в бланкетной диспозиции не указаны, в том же разделе «Учение об уголовном законе»¹⁴⁸ отмечает, что в не уголовных актах *конкретизируются* бланкетные диспозиции уголовного закона. Таким образом, и этот автор по существу признает наличие в бланкетных диспозициях признаков преступления, так как в противном случае нечему быть конкретизированным.

3. Непосредственное прочтение диспозиций уголовно-правовых норм, и норм, не относящихся к бланкетным, далеко не всегда позволяет понять (вообще или точно), что кроется за тем или иным термином.

Так, не ясен момент начала жизни в преступлениях, предусмотренных ст. 105, 106, 109 УК; нет полной ясности в том, что следует считать неприличной формой в ст. 130 УК, иными действиями сексуального характера – в ст. 132 и 133 УК, развратными действиями – в ст. 135 УК. В этом ряду мы указали только часть «загадочных» признаков преступлений против личности, т. е. преступлений, наиболее исследованных в литературе. «Покровом» неясности во многих статьях Особенной части УК РФ покрыты и оценочные признаки.

Однако не бланкетные диспозиции, содержащие признаки состава, точное толкование которых *не может дать никто*, почему-то не считают не содержащими признаков преступлений!

4. Все сторонники отрицания наличия в бланкетных диспозициях признаков преступления, признавая, что эти диспозиции отсылают к нормативным актам других отраслей, способом «отсылки» называют обычно нарушение каких-либо правил. Чем, однако, являются «нарушения правил...» в диспозиции, как не признаками преступления? Заметим, что никто из указанных авторов (а все они исследовали структуру уголовного закона!) не выделял в диспозициях какие-то *иные элементы* (адресные указатели или что-то подобное), кроме признаков преступления.

В чем же заключается особенность изложения признаков преступления в бланкетных диспозициях? Несмотря на то, что характеристика этой особенности у разных авторов почти синонимична, правильным, с нашей точки зрения, следует признать вариант, предложенный В. В. Соколовым и Ю. М. Ткачевским – признаки преступления описаны в таких диспозициях в обобщенной форме, неконкретизированно. Термин же «неточный» можно понимать как не полностью соответствующий какому-либо тексту¹⁴⁹, а несоответствие может проявляться не только в конкретизации текста, но и в противоречии ему.

¹⁴⁶ Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. С. 90–91.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Курс советского уголовного права. В 6 т. Т. 1. С. 157.

¹⁴⁹ Словарь синонимов русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 2. М.: ООО «Изд-во Астрель», ООО «Изд-во

Вместе с тем мы не можем согласиться, что «описание компонентов отдельных элементов общественно опасного деяния... обобщающими признаками и составляет специфику бланкетного способа изложения»¹⁵⁰. Конечно, бланкетность часто проявляется в обобщенном изложении признаков преступления, но вряд ли она проявляется *единственно в этом*. Правда, заключение В. В. Соколова о сущности бланкетных диспозиций небесспорно. Определение разными авторами бланкетных диспозиций в учебной литературе почти всегда сопровождается одним и тем же примером – ч. 1 ст. 143 УК РФ (ст. 140 УК РСФСР)¹⁵¹, из чего можно сделать вывод о весьма ограниченном количестве (или даже редкости) бланкетных диспозиций в УК. Однако и авторы, разнообразящие примеры, указывают исключительно те диспозиции, в которых говорится о нарушении различных правил (ветеринарных, производства, изготовления, учета, отпуска, реализации, продажи, распределения, перевозки, пересылки, действующих на транспорте и иных). Подобная «информационная база» действительно позволяет увидеть сущность бланкетности в обобщенном описании признаков преступления. Более того, примеры в учебной литературе способствуют представлению о том, что обобщенно законодатель излагает признаки только объективной стороны.

В. В. Соколов также уделяет наибольшее внимание обобщенным признакам объективной стороны. Он даже группирует их в соответствии с ролью, выполняемой ими при описании поведения. Однако автор отмечает, что обобщающими признаками описываются и компоненты других элементов состава преступления¹⁵². И действительно, разве не описан обобщающим признаком «драгоценные металлы или природные драгоценные камни» предмет преступления, предусмотренного ст. 191 УК? Вызывает ли сомнение такое же описание предмета в диспозициях ч. 2 ст. 188 и ст. 189 УК? Обобщающий признак «имущество» использован законодателем для описания предмета преступлений в ст. 184 и 195 и для описания средства преступлений в ст. 174, 174¹, 175 УК (в литературе признак имущества «приписывается» к разным элементам состава легализации – объекту либо объективной стороне: предметом преступлений, предусмотренных тремя этими статьями, считают имущество Б. В. Волженкин, Н. А. Лопашенко, Н. Н. Афанасьев, Э. А. Иванов; напротив, В. Ларичев, Л. Д. Гаухман, С. В. Максимов, Г. Н. Хлупина и автор данной работы рассматривают имущество как признак объективной стороны).

Однако некоторые диспозиции уголовно-правовых норм содержат признаки преступления, которые нельзя отнести к обобщающим. Так, не кроется никакой множественности компонентов соответственно объективной стороны и субъекта за признаком «аффинаж» в диспозиции ст. 192 УК и признаком «индивидуальный предприниматель» в диспозициях ст. 169, 176, 195–197, 200 УК и ряде других признаков, использованных при описании преступлений в нормах гл. 22 УК. Однако этими терминами обозначены именно признаки преступления, и их можно уяснить, только обратившись к не уголовным нормативным правовым актам.

Таким образом, нет никаких оснований исключать их из числа бланкетных.

В отличие от обобщающих, эти признаки можно именовать *признаками-понятиями*, которые интерпретируются в не уголовных нормативных правовых актах.

Есть и еще одна разновидность бланкетных признаков, *сочетающих свойства обобщающих и признаков-понятий*. Так, например, признак «ценные бумаги», упоминающийся

АСТ», 2001. С. 559–560.

¹⁵⁰ Соколов В. В. Указ. соч. С. 98.

¹⁵¹ Уголовное право. Общая часть. Учебник / Под ред. Б. В. Здравомыслова, Ю. А. Красикова, А. И. Рарога. М.: Юрид. лит., 1994, С. 35; Российское уголовное право. Общая часть: Учебник. М.: Изд-во «Спарк», 1997. С. 58; Галиакбаров Р. Р. Уголовное право. Общая часть: Учебник. С. 49.

¹⁵² Соколов В. В. Указ. соч. С. 98.

в диспозициях ст. 177, 184, 185, 185¹, 186 УК, можно уяснить, обратившись к ст. 142 ГК РФ, содержащей дефиницию ценной бумаги (понятие ценных бумаг в валюте Российской Федерации и в иностранной валюте дается в п. 2 и 4 ст. 1 Закона «О валютном регулировании и валютном контроле»), однако, полагаем, что в настоящее время для решения вопроса о том, является ли тот или иной документ ценной бумагой, необходимо обращаться к ст. 142 ГК РФ, содержащей дефиницию ценной бумаги). Таковой является документ, удостоверяющий с соблюдением установленной формы и обязательных реквизитов имущественные права, осуществление или передача которых возможны только при его предъявлении. Однако, как следует из ст. 143 ГК, к перечисленным в ст. 142 ГК признакам следует добавить еще один – соответствие легальным основаниям отнесения к числу ценных бумаг (признак легальности). Отсутствие легальности исключает возможность считать предметом преступления документ, не отнесенный к ценным бумагам законами о ценных бумагах или в установленном ими порядке (непосредственно в ст. 143 ГК перечислены такие ценные бумаги, как государственная облигация, облигация, вексель, чек, депозитный и сберегательный сертификаты, банковская сберегательная книжка на предъявителя, коносамент, акция, приватизационные ценные бумаги). Таким образом, понятием ценной бумаги охватывается строго определенный ряд документов.

Таким же обобщающим признаком-понятием является признак «коммерческая тайна». Ею в соответствии со ст. 139 ГК признается информация, имеющая действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности ее третьим лицам, к которой нет свободного доступа на законном основании и обладатель которой принимает меры к ее конфиденциальности. Одновременно обобщающим этот признак является в силу охвата им множества конкретных сведений, перечисленных в локальном нормативном правовом акте.

Перечень обобщающих признаков-понятий могут продолжить «юридическое лицо» (ст. 169 УК), понятие и виды которого раскрываются в Гражданском кодексе РФ; банковская деятельность (ст. 172 УК), «коммерческая организация» (ст. 173, 196, 197 УК), «налог» (ст. 198 и 199 УК), дефиниции и разновидности которых содержат иные законы РФ, и другие признаки.

Специфику бланкетного способа изложения диспозиции, таким образом, составляет описание компонентов отдельных (или всех) элементов состава обобщающими признаками, признаками-понятиями либо обобщающими признаками-понятиями. Все три разновидности бланкетных признаков объединяет то, что они являются «закодированными», логически не уясняемыми из самой диспозиции уголовно-правовой нормы. Именно эта особенность их изложения и обусловила наличие второго компонента в доктринальных дефинициях бланкетных диспозиций.

Напомним, второй компонент описан посредством отсылки (или ссылки) на нормативные акты других отраслей права либо указанием на необходимость обращения к ним. Какой из вариантов правилен? Нам представляется, что несмотря на явный численный перевес сторонников первого варианта, правилен второй.

Прежде всего «отсылка» в Толковом словаре определяется как «место в тексте, отсылающее за справкой к другой части текста»¹⁵³, а в нашем случае речь идет о текстах в разных нормативных актах, т. е. разных текстах. «Ссылка» в том же словаре определяется как «выдержка из текста или указание источника, на который ссылаются»¹⁵⁴.

В диспозициях некоторых норм Уголовного кодекса описание преступления бланкетным признаком действительно может совпадать с наименованием нужного для уяснения

¹⁵³ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН. М.: Азбуковник, 1999. С. 481.

¹⁵⁴ Там же. С. 761.

этого признака не уголовного акта. Такое совпадение имеет место, например, в диспозиции ст. 264 УК (упомянутые в ней правила дорожного движения предусмотрены в Правилах дорожного движения, утвержденных постановлением Правительства от 23 октября 1993 г. № 1090¹⁵⁵) и ст. 219 УК (указанные в ней правила пожарной безопасности изложены в Правилах пожарной безопасности в Российской Федерации, введенных приказом МВД РФ от 14 декабря 1993 г. № 536¹⁵⁶ и ряде других¹⁵⁷).

Однако применительно даже к этим диспозициям трудно говорить об указании на неуголовно-правовой источник в буквальном понимании термина «указание». Если бы законодатель действительно указывал одноименные акты в диспозиции, то признак «правила» излагался бы не со строчной, а с заглавной буквы. Подтвердим правильность этого вывода на примере диспозиции ст. 259 УК. В ней законодатель, описывая обобщающим признаком «организмы, занесенные в Красную книгу Российской Федерации», предмет преступления, самым непосредственным способом указывает необходимый для его уяснения официальный документ – Красную книгу. Именно с заглавной буквы указана Конституция в ст. 1 УК РФ и п. 2 примечаний к ст. 285 УК РФ. Федеральные конституционные законы, федеральные законы, конституции и уставы субъектов РФ указаны в примечаниях (п. 2 и 3) к этой статье со строчной буквы исключительно в силу упоминания их во множественном числе, но факт *непосредственного указания* не уголовных актов в самих диспозициях перечисленных статей, а также в ч. 3 ст. 331 УК сомнения не вызывает!

Кроме того, в большей части бланкетных норм Уголовного кодекса необходимые для толкования признаков не уголовные акты упоминаются в самой общей форме. На то, что при бланкетном способе изложения «закон уголовный в диспозиции своей указывает лишь самым общим образом тот источник права, в котором должны быть установлены определительные нормы, за нарушение которых полагается наказание», обращал внимание еще Н. Д. Сергеевский¹⁵⁸.

Так, в диспозиции ст. 190 УК говорится о невозвращении в установленный срок на территорию РФ предметов художественного, исторического и археологического достояния народов РФ и зарубежных стран, вывезенных за ее пределы, если такое возвращение является обязательным *в соответствии с законодательством Российской Федерации*; в диспозиции ч. 1 ст. 191 УК – о совершении сделки, связанной с драгоценными металлами, природными драгоценными камнями либо с жемчугом, в нарушение *правил, установленных законодательством Российской Федерации*...; в диспозиции ст. 193 УК – о невозвращении в крупном размере из-за границы средств в иностранной валюте, подлежащих *в соответствии с законодательством Российской Федерации* обязательному перечислению на счета в уполномоченный банк РФ. Даже специалист, обладающий экстрасенсорными способностями, вряд ли увидит за «указанием» в двух последних диспозициях то множество нормативных правовых актов, которые должны быть изучены для адекватного понимания признаков этих преступлений.

Большинство бланкетных диспозиций Уголовного кодекса РФ и гл. 22, в частности, никак не упоминают не уголовные акты (ст. 169, 171–180, 183–189, 192, 194, 195–197, 198, 199, 200 УК). О бланкетности диспозиции иногда свидетельствуют признаки «незаконный» (ст. 169, 170, 176, 180, 183, 184, 189 УК), «неправомерный» (ст. 169, ч. 2 ст. 195 УК), «несанкционированный» (ст. 181 УК) и иные. Как правильно отмечает А. Ф. Черданцев,

¹⁵⁵ Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 47. Ст. 4531; СЗ РФ. 1998. № 45. Ст. 5521; 2000. № 18. Ст. 1985; 2001. № 11. Ст. 1029; 2002. № 9. Ст. 931; № 27. Ст. 2693.

¹⁵⁶ Российские вести. № 12. 19.01.1994; № 36.01.03.1994.

¹⁵⁷ См., напр., Правила пожарной безопасности в лесах Российской Федерации, утвержденные постановлением Правительства РФ от 9 сентября 1993 г. // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 39. Ст. 3612.

¹⁵⁸ Пособие к лекциям Сергеевского Н. Д. С. 40.

«зачастую в бланкетной норме нет указания даже на род или вид правил, а говорится просто о незаконности тех или иных действий».¹⁵⁹

Если бы указание на акты других отраслей права действительно всегда содержалось в бланкетных диспозициях, в юридической литературе не приводились разные «исходные» нормативные правовые акты. Однако последнее имеет место. Так, некоторые авторы, определяя предмет преступления, предусмотренного ст. 192 УК, ссылаются на Закон РФ «О валютном регулировании и валютном контроле» от 9 октября 1992 г.¹⁶⁰, в то время как другие – на Федеральный закон «О драгоценных металлах и драгоценных камнях»¹⁶¹.

Более того, существует спор о *самой необходимости* обращаться к актам иных отраслей. Так, например, ряд специалистов (Н. Ф. Кузнецова, Н. А. Лопашенко, П. С. Янн, А. Э. Жалинский), толкуя признак дохода в незаконном предпринимательстве, обращаются к налоговому законодательству, в то время как профессор Б. В. Волженкин обращение для решения этого вопроса к налоговому законодательству считает некорректным вообще¹⁶².

Очевидное отсутствие ссылок на не уголовные акты в большинстве бланкетных норм УК вынудило даже сторонников наличия этих ссылок скорректировать свои определения. Так, Н. И. Пикуров в выводах, сделанных из собственной дефиниции бланкетных диспозиций, указывает, что такие диспозиции должны иметь прямую или скрытую (подразумеваемую) ссылку на специальные правила иной отрасли¹⁶³. Однако если вспомнить толкование ссылки как *указания* источника, то «скрытое указание» вряд ли может быть указанием.

Скрытость «указания» равнозначна невидимому маяку или невидимым сигнальным огням.

Изложенное позволяет нам присоединиться к В. В. Соколову, утверждавшему, что законодатель в бланкетных диспозициях «точно не указывает на адрес, куда надлежит обратиться, не отсылает к нормативным актам не уголовно-правового характера»¹⁶⁴.

Ориентация на необходимость ссылки может привести к заблуждению в бланкетности нормы. Так, В. И. Тюнин, указав, что за признаком «иное незаконное вмешательство» (ст. 169 УК) не стоит реальная нормативная база, сделал вывод, что «о бланкетности состава в данном случае говорить нельзя»¹⁶⁵. Вместе с тем стоящее за «незаконным вмешательством» не уголовное законодательство, конечно, чрезвычайно обширно, но реально. Без обращения к нему указанный признак воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности установить нельзя. И даже следование правилу «запрещено все, что не разрешено», руководствоваться которым предлагает указанный автор, не заменит выяснения (опять же в не уголовном законодательстве!), были ли совершенные должностным лицом действия разрешенными.

Таким образом, диспозиция ч. 1 ст. 169 УК, бесспорно, бланкетная (и в части незаконного вмешательства тоже), но приведенная выше оценка ее как не бланкетной по причине неясности «стоящей за ней нормативной базы» еще раз доказывает, что указание на

¹⁵⁹ Черданцев А. Ф. Толкование советского права. М.: Юрид. лит., 1979. С. 79–80.

¹⁶⁰ Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. д.ю.н., проф. Н. И. Ветрова и д.ю.н., проф. Ю. И. Ляпунова. С. 347; Кузнецов А. П. Преступления в сфере экономической деятельности: ответственность за нарушение правил сдачи государству драгоценных металлов и драгоценных камней // Российский следователь. 1999. № 6. С. 15.

¹⁶¹ Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности. С. 463; Шишко И. В. Уголовная ответственность за нарушение правил сдачи государству драгоценных металлов и драгоценных камней // Сибирские юридические записки: Ежегодник Ассоциации юрид. вузов «Сибирь». Вып. 2 / Отв. ред. Н. Г. Стойко; Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 2002. С. 139–140.

¹⁶² ⁶² Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности. С. 182.

¹⁶³ Пикуров Н. И. Применение следователем уголовно-правовых норм с бланкетной диспозицией: Лекция. С. 9.

¹⁶⁴ Соколов В. В. Указ. соч. С. 97.

¹⁶⁵ Тюнин В. И. Некоторые аспекты толкования, применения и совершенствования уголовного законодательства, охраняющего отношения в сфере экономической деятельности. С. 5.

не уголовные акты не обязательно присутствует в бланкетных диспозициях. К этим актам для толкования бланкетных признаков поэтому необходимо *обращаться самому правоприменителю*.

Конечно, отсутствие ссылки, т. е. непосредственного указания на конкретные не уголовные акты затрудняет применение бланкетных норм¹⁶⁶. Однако считаем нужным подчеркнуть, что отсутствие такого указания рационально: включение в диспозицию бланкетной нормы УК ссылки на *конкретные* не уголовные акты лишило бы ее такого достоинства, как стабильность, «устойчивость» в условиях перманентной сменяемости последних.

Казалось бы, уточнение компонентов определения бланкетных диспозиций позволяет приступить к собственному их дефинированию, однако считаем его преждевременным.

Сущность бланкетных диспозиций заключается не в том, каким именно образом сформулированы в них бланкетные признаки. Однако способ изложения последних помогает понять и причину появления бланкетных диспозиций в Уголовном кодексе, и их сущность.

Отраслевая «специализация» уголовно-правовых норм предполагает полное или частичное воспроизведение в диспозициях этих норм запрещенного не уголовными нормативными актами поведения (как уже отмечалось, мы рассматриваем все уголовно-правовые нормы обусловленными не уголовным законодательством). При этом законодателю важно соблюсти два требования. Первое закреплено в ч. 2 ст. 2 УК РФ и состоит в том, что именно этот Кодекс должен установить, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями. Следовательно, в любой диспозиции должны быть перечислены все признаки состава преступления. Второе требование диктуется законодательной техникой: диспозиция уголовно-правовой нормы состоит из одного предложения и, следовательно, все признаки состава должны уместиться в это единственное предложение. Более того, ясность изложения требует избегать пространственных формулировок и одного предложения: любой пользователь персонального компьютера знает, что сложные предложения программа «Microsoft Word» предлагает разбить на части, иначе, предупреждает она, такие предложения, скорее всего, сложны для восприятия.

Необходимость соблюдать сочетание этих требований и диктует использование в уголовно-правовых нормах бланкетных признаков.

Так, в отсутствие второго требования какие-то признаки (например, конкретные нарушения требований законодательства о драгоценных металлах и драгоценных камнях) можно было бы перечислить в диспозиции как альтернативные, независимо от того, что их перечисление могло занять несколько страниц. Однако требование соблюдать краткость изложения диспозиции уголовно-правовых норм вынуждает законодателя «сжимать» равнозначные, с его точки зрения, конкретные признаки в один обобщающий (так десятки конкретных нарушений заменяются кратким «нарушением правил...») При этом в не уголовных нормативных правовых актах требования к «построению» определенного круга общественных отношений могут быть не только многочисленными, но предъявляться к разным составляющим этих отношений: кругу участников, объекту этих отношений, поведению участников и т. д. Поэтому эти требования часто размещаются в разных статьях не уголовного нормативного акта, и далеко не всегда в заголовке хотя бы одной статьи упоминается слово «правила». Следовательно, толкование бланкетного признака «нарушение правил...» требует от правоприменителя самого тщательного изучения соответствующего не уголовного акта (а чаще – ряда актов) для установления всех требований, предъявляемых к участникам данных общественных отношений. Иногда эти требования дублируют друг друга или противоречат друг другу, что еще более усложняет задачу правоприменителя.

¹⁶⁶ Гаухман Л. Д. Проблемы УК: бланкетность, декларативность, казуистичность. С. 49.

Использование в диспозиции бланкетных признаков-понятий, как правило, не сопряжено с такими трудностями: иногда правоприменителю достаточно обратиться к преамбуле закона, регулирующего охраняемые конкретной бланкетной нормой УК общественные отношения, чтобы уяснить содержание такого признака.

Отметим, что, применяя диспозицию, в которой бланкетные признаки изложены как *обобщающие*, правоприменитель *не может избежать* обращения к соответствующему не уголовному акту: без него он не сможет доказать наличие этого признака в конкретном случае. От него в правоприменительном акте требуется указать не только конкретное проявление обобщающего признака, но и то структурное подразделение (абзац, пункт, часть) статьи не уголовного акта, в которой это «проявление» текстуально закреплено.

Так, в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2001 г. № 6 «О судебной практике по делам о незаконной предпринимательской деятельности» указано: «Для правильного решения вопроса о том, требовалось ли для осуществления того или иного вида предпринимательской деятельности наличие соответствующего разрешения (лицензии) в период занятия лицом такой деятельностью, следует руководствоваться нормативными правовыми актами, определяющими условия осуществления конкретных видов предпринимательской деятельности. Ссылка на такой нормативный правовой акт должна содержаться в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого..., приговоре суда либо постановлении судьи»¹⁶⁷.

В п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 июля 1997 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Российской Федерации уголовного законодательства об ответственности за уклонение от уплаты налогов»¹⁶⁸ также разъясняется: «Уклонение от уплаты налогов связано с невыполнением виновным определенных норм налогового законодательства. В связи с этим обратить внимание судов на то, что по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 198, 199 УК РФ, в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительном заключении и приговоре должно быть обязательно указано, какие конкретно нормы налогового законодательства, действовавшего на момент совершения преступления, нарушены обвиняемым, осужденным».

Применение диспозиции, в которой бланкетные признаки сформулированы как *обобщающие признаки-понятия*, *не обязательно* требует указания в правоприменительном акте необходимого для их понимания не уголовного акта. Так, например, в силу общеизвестности принадлежности векселя и акции к ценным бумагам ссылка на ст. 143 ГК РФ в правоприменительном акте по делам о преступлениях, связанных с их незаконным изготовлением или сбытом (ст. 186 УК), не нужна.

В то же время без указания в правоприменительном акте структурного подразделения локального нормативного акта, содержащего описание информации, отнесенной к коммерческой тайне, нельзя считать установленным наличие предмета преступления, предусмотренного ст. 183 УК.

При наличии в диспозиции *признаков-понятий* правоприменитель фактически может игнорировать соответствующие не уголовные нормативные правовые акты. И этому есть причины. Во-первых, признаки-понятия не нужно раскрывать в правоприменительном акте, а, во-вторых, практическим работникам нередко представляется, что есть «альтернатива», «заменители»: использованные при описании признаков-понятий термины могут интерпретироваться в различных словарях, разных нормативных актах, доктринальных разработках. Наличие последних наиболее убедительно подтверждает имеющее место игнори-

¹⁶⁷ Цит. по: Лукашов А. И. Преступления против порядка осуществления экономической деятельности: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации. Минск: Тесей, 2002. С. 236.

¹⁶⁸ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 9. С. 4–5.

рование бланкетных признаков-понятий, что, в свою очередь, может повлечь ошибочное представление о диспозиции как не бланкетной. Использование тождественных терминов в не уголовном нормативном правовом акте и норме Уголовного кодекса, обеспечивающей охрану первого, всегда свидетельствует о бланкетности описанного этим термином признака (если он не раскрыт в самом Уголовном кодексе и не «простирается» на конкретную его статью). Придание признаку-понятию иного, в сравнении с указанным не уголовным нормативным актом, смысла неизбежно приведет к тому, что уголовно-правовая норма будет охранять и карать не то, соответственно для закрепления или недопущения чего принимался акт регулятивной отрасли права. Поэтому представляется нужным уточнить, безусловно, правильное утверждение А. В. Наумова, что бланкетные диспозиции норм УК «являются свидетельством взаимосвязи уголовного права с другими отраслями права»¹⁶⁹. Свидетельством взаимосвязи этих отраслей являются и пересечение предмета воздействия, и функциональная специализация отраслевых норм, и «очередность» их появления, и другие «показатели». Бланкетные признаки являются *непосредственными* точками соприкосновения различных отраслей права, а содержащие их диспозиции – *непосредственно* отражают связь уголовно-правовой нормы с нормами иных отраслей права.

Изложенное позволяет предложить следующее определение бланкетной диспозиции. *Бланкетной называется диспозиция, в которой все или часть признаков состава преступления описаны как обобщающие признаки, признаки-понятия либо обобщающие признаки-понятия, если в них непосредственно заключена связь уголовного права с иными отраслями, к которым и следует обращаться для уяснения указанных признаков.*

Предложенная дефиниция позволяет сделать следующие выводы: а) в бланкетной диспозиции уголовно-правовой нормы присутствуют все признаки состава; б) все или часть признаков (т. е. хотя бы один) описаны одним из трех способов – как обобщающие, признаки-понятия, либо как сплав двух первых – обобщающие признаки-понятия; в) в отличие от обобщающих признаков («тайное», «открытое» – в частях первых ст. 158 и 161 УК) и признаков-понятий (например, «хищение» в п. 1 примечаний к ст. 158 УК), сформулированных в самом Уголовном кодексе, в одноименных признаках в бланкетных диспозициях непосредственно заключена связь уголовного права с иными отраслями; г) эта связь и обуславливает необходимость обращаться к нормам других отраслей для уяснения содержания перечисленных признаков в бланкетных диспозициях.

В уголовно-правовой науке, как мы уже отмечали, бланкетная диспозиция «привязывается» именно к нарушению определенных правил, и диспозиции, содержащие только признаки-понятия, к таковым не относят¹⁷⁰. «В первом случае, – отмечает Н. И. Пикуров, – используется “чужое” нормативное предписание со всеми его атрибутами (ссылка на нарушение определенных правил и т. и.), во втором – используются отдельные элементы или признаки таких предписаний...»¹⁷¹

С нашей точки зрения, к бланкетным относятся все диспозиции, содержащие бланкетные признаки, независимо от количества и вида последних.

Сужение круга бланкетных диспозиций в зависимости от *вида* бланкетных признаков и, следовательно, отражения их в правоприменительном акте, малопродуктивно. Кроме того, при таком подходе создается неопределенность с диспозициями, содержащими обобщенные признаки-понятия, которые *иногда* должны отражаться в правоприменительном акте. Глав-

¹⁶⁹ Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. С. 91.

¹⁷⁰ Пикуров Н. И. Теоретические проблемы межотраслевых связей уголовного права. Автореф. дисс... докт. юрид. наук. Волгоград. 1998. С. 9.

¹⁷¹ Там же.

ный же довод заключается в том, что любые бланкетные признаки «привязывают» содержащую их диспозицию к не уголовным актам и выполняют одни и те же функции.

Что касается количества бланкетных признаков, то оно также не имеет значения для признания диспозиции бланкетной: как отсутствие хотя бы одного признака состава в содеянном исключает признание его преступлением, так и неуяснение хотя бы одного признака состава без обращения к не уголовным актам исключает возможность получить представление об этом составе.

Исследуя бланкетность диспозиций норм гл. 22 УК, мы не будем уточнять, бланкетной или описательно-бланкетной является та или иная диспозиция: цель настоящей главы – не исследование способа изложения диспозиции в уголовно-правовых нормах, а бланкетность как непосредственное отражение связи этих норм с нормами других отраслей права.

Анализируя диспозиции норм гл. 22 УК через призму предложенной нами дефиниции бланкетной диспозиции, можно констатировать, что *все* нормы этой главы имеют бланкетные диспозиции: к нормам регулятивных отраслей права для уяснения значения хотя бы одного признака состава нужно обращаться при толковании всех описанных в ней преступлений. Заметим, что и Н. А. Лопашенко, исключая ст. 179 и 184 из числа бланкетных, отмечает, что и в них используются не уголовно-правовые понятия¹⁷².

Конечно, экономические нормы УК обладают разной, если так можно выразиться, степенью бланкетности.

Бланкетность многих норм *очевидна* в силу того, что в них использованы бланкетные обобщающие признаки, «оснащенные» общеизвестным обозначением («противоправный», «незаконный» и т. п.). Так, никто не утверждал о собственно уголовном понимании *неправомерности* отказа в регистрации индивидуального предпринимателя или юридического лица либо отказа в выдаче специального разрешения (лицензии) на осуществление определенной деятельности (ст. 169 УК), *незаконности* сделок с землей (ст. 170 УК), *запрещенной* деятельности (ст. 173 УК), *незаконности* получения государственного целевого кредита (ч. 2 ст. 176 УК), *незаконности* использования чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров, предупредительной маркировки (ст. 180 УК[^]), *незаконности* способа собирания, разглашения или использования сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК), *незаконности* получения имущества в целях оказания влияния на результаты профессиональных спортивных соревнований или зрелищных коммерческих конкурсов (ч. 3 и 4 ст. 184 УК), *правил* перемещения через таможенную границу (ст. 188 УК), *незаконности* экспорта технологий, научно-технической информации и услуг, сырья, материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании ОМП, средств его доставки, вооружения и военной техники (ст. 189), *обязательности* возвращения в установленный срок предметов художественного, исторического и археологического достояния народов РФ (ст. 190 УК), *правил* совершения сделок с драгоценными металлами, природными драгоценными камнями либо с жемчугом (ст. 191 УК), *обязательности* сдачи на аффинаж или продажи государству добытых из недр, полученных из вторичного сырья, а также поднятых и найденных драгоценных металлов или драгоценных камней (ст. 192 УК), *обязательности* перечисления средств в инвалюте на счета в уполномоченный банк (ст. 193 УК), *неправомерности* удовлетворения имущественных требований отдельных кредиторов (ч. 2 ст. 195 УК).

¹⁷² Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания. С. 23

Некоторые из перечисленных норм (например, ст.193 УК) иногда именуют даже «сверхбланкетными»¹⁷³.

Бланкетность других норм *менее очевидна*. Так, если правоприменитель знает дефиниции сделки и имущества в ГК, он сочтет диспозиции ст. 179 УК («Принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения») и ст. 175 («Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем») исключительно описательными. Однако вкрапление в них бланкетных признаков означает одновременно и их бланкетность, что даже в этих случаях не делает обращение к нормам ГК лишним.

Так, в Красноярске имели место случаи, когда руководителям коммерческих организаций предлагали уволиться со своей должности, угрожая в противном случае применить к ним насилие. Ввиду неопределенности содержания угрозы, применение ст. 119 УК было бесперспективным, и некоторые специалисты рассматривали вопрос о применении к виновным ст. 179 УК, памятуя, что сделками признаются действия, направленные на установление, изменение или прекращение прав и обязанностей. Однако непосредственное прочтение ст. 153 Гражданского кодекса, раскрывающей понятие сделки, помогло «увидеть», что сделкой признаются действия, направленные на установление, изменение или прекращение любых прав и обязанностей, а гражданских, т. е. установленных гражданским законодательством, а не трудовым.

Только описательной кажется и диспозиция ст. 182 УК, но без обращения к дефиниции рекламы в Федеральном законе «О рекламе» определить круг подпадающих под нее деяний невозможно.

Бланкетные признаки в этой группе диспозиций описаны, как правило, признаками-понятиями либо обобщающими признаками-понятиями, что и влечет их меньшую распознаваемость.

В литературе уже обращено внимание на неравномерность распространенности бланкетных диспозиций в Уголовном кодексе. Так, И. Я. Козаченко отметил, что бланкетные диспозиции получили широкое применение при описании, прежде всего, преступлений в сфере экономической деятельности, большинства должностных преступлений, преступлений против общественной безопасности, а также связанных с нарушением специальных правил¹⁷⁴. Чем объяснить различный удельный вес бланкетных диспозиций в нормах различных глав УК? Ответ на этот вопрос следует искать в причине использования бланкетных норм в УК.

Видовым объектом преступлений, предусмотренных разными главами Уголовного кодекса, являются различные общественные отношения, урегулированные правом. В зависимости от того, по поводу чего они существуют, зависит объем и сложность регулирующего их законодательства. Как мы уже отметили, экономическое регулятивное законодательство является сложным, многоуровневым, динамичным и «плотно» регламентирующим отношения в сфере экономической деятельности. И если *объем правового поля* в этой сфере обуславливает *количество норм в гл. 22* (чем больше разнообразных обязанностей у участников этих отношений, тем большее количество норм должно обеспечивать исполнение этих обязанностей), то *сложность и нестабильность* регулятивного законодательства в этой сфере обуславливают частоту использования бланкетных диспозиций: неисполнение обязанностей, описываемых многостатейными меняющимися нормативными актами регулятивных отраслей, иначе как обобщающими признаками, признаками-понятиями или обобщающими признаками-понятиями в нормах УК не описать.

Объективные причины сложности регулятивного законодательства в сфере экономической деятельности обуславливают и объективную сложность описания нарушений его тре-

¹⁷³ *Малинин М.* Невозвращение иностранной валюты: на нет и суда нет // Законность. 2001. № 10. С. 23.

¹⁷⁴ *Российское уголовное право: Курс лекций. Т. 1. Преступление / Под ред. проф. А. И. Коробеева. С. 172–173.*

бований в нормах УК. Поэтому трудно согласиться с обсуждением вопроса об уменьшении уровня бланкетности диспозиций¹⁷⁵.

¹⁷⁵ Российское уголовное право. Общая часть. Учебник. М.: Изд-во «Спарк», 1997. С. 59.

§ 2. Отраслевая принадлежность и «статус» нормативных правовых актов, связанных с бланкетными нормами УК

Изучение публикаций, посвященных анализу составов отдельных экономических преступлений, показало, что в ряд дискуссионных попал и вопрос о том, к нормативным правовым актам какого уровня – только федерального или и иного – можно обращаться для уяснения смысла бланкетных признаков этих составов.

Так, В. А. Егоров утверждает, что предметом уклонения от уплаты налогов или страховых взносов в государственные внебюджетные фонды с организации являются только федеральные налоги, а не налоги субъектов РФ и не местные налоги¹⁷⁶. При ином подходе, считает автор, нарушался бы принцип равенства граждан России *об основаниях* и пределах уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов и страховых взносов в зависимости от региона пребывания и деятельности налогоплательщика.

Данная трактовка предмета преступления, предусмотренного ст. 199 УК, была поддержана профессором Б. В. Волженкиным. Он отмечает, что «бланкетные нормы об ответственности за уклонение от уплаты налогов, сформулированные в ст. 198 и 199 УК, не могут иметь разное содержание в различных регионах страны. В противном случае круг преступного будет не одинаков в зависимости от региона, и *преступность деяния будет определяться не только*

Уголовным кодексом (курсив наш. – *И. Ш.*) и федеральным законодательством, а и региональным, что противоречит статье 71 Конституции РФ, определившей, что уголовное законодательство (в отличие от административного) находится в исключительном ведении Российской Федерации»¹⁷⁷.

Другие авторы не исключают региональные и местные налоги из предмета уклонения от уплаты налогов или страховых взносов в государственные внебюджетные фонды с организации, и таким образом признают возможность обращаться для уяснения признака «налог» к законодательству о налогах субъектов РФ и нормативным правовым актам о местных налогах органов местного самоуправления. В частности, прямо указывают на то, что налоги могут быть федеральными, региональными и местными Н. А. Лопашенко¹⁷⁸, А. Н. Караханов¹⁷⁹, Т. Ю. Погосян¹⁸⁰, Д. А. Глебов¹⁸¹ и др.¹⁸²

Если продолжить мысль, высказанную первой группой авторов, то следует признать неприменимой в целом ст. 176 УК, и частично неприменимой – ст. 183 УК. Дело в том, что круг сведений, необходимых к представлению кредитной организации для получения кредита, определяется самими кредитными организациями (в локальных актах этих организа-

¹⁷⁶ Егоров В. Налоговые преступления и их предупреждение: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. Самара, 1999. С. 7.

¹⁷⁷ Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности. С. 484.

¹⁷⁸ Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности (Комментарий к гл. 22 УК РФ). С. 332.

¹⁷⁹ Караханов А. Н. Уголовная ответственность организаций за уклонение от уплаты налогов // Российский следователь. 2000. № 1. С. 21.

¹⁸⁰ Уголовное право. Особенная часть. Учебник для вузов / Отв. ред. д.ю.н., проф. И. Я. Козаченко, д.ю.н., проф. З. А. Незнамова, к.ю.н., доц. Г. П. Новоселов. М.: Инфра-М Норма, 1997. С. 342.

¹⁸¹ * Глебов Д. А. Уголовно-правовая борьба с уклонением от уплаты налогов: Дисс... канд. юрид. наук. Владивосток, 2002. С.107.

¹⁸² Шишко И. В., Хлупина Г. Н. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов или страховых взносов в государственные внебюджетные фонды с организаций // Юридический мир. 1999. № 8. С.11.

ций), и, конечно, может быть не тождествен для заемщиков, заключающих договоры с разными кредиторами.

Статья 183 УК устанавливает ответственность за незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну. При этом содержание перечисленных видов тайн определяется по-разному: двух последних – в федеральных законах (ст. 102 Налогового кодекса РФ, ст. 857 Гражданского кодекса РФ), первой – самими обладателями информации, т. е. организациями и индивидуальными предпринимателями (и значит тоже в локальных нормативных актах). Следовательно, круг сведений, составляющих коммерческую тайну, у разных субъектов может существенно отличаться, что, по мнению двух первых авторов, ведет к несовпадению круга преступного (в указанных случаях, наверное, в зависимости от организации или иного субъекта), и преступность деяния будет определяться не только Уголовным кодексом и федеральным законодательством, но даже локальными нормативными актами хозяйствующих субъектов.

Общественные отношения в сфере экономической деятельности в значительной мере регулируются указами Президента РФ, постановлениями Правительства РФ, нормативными правовыми актами министерств, государственных комитетов, федеральных служб и иных федеральных органов исполнительной власти. Поэтому самое непосредственное отношение к исследованию вопроса, обозначенного в названии данного параграфа, имеет и позиция Л. Д. Гаухмана. Он считает недопустимым ссылки в бланкетных нормах Уголовного кодекса на нормативные правовые акты, не относящиеся к законам. Автор не поднимает вопрос о том, какими должны быть эти законы (федеральными или и субъектов Федерации): главное, по его мнению, в том, что «сфера уголовной ответственности (курсив наш. – И. Ш.) должна определяться только законодателем и ни при каких условиях органами исполнительной власти»¹⁸³. По мнению В. Минской, «представляется необходимым и правильным при конструировании бланкетных норм УК отсылать только к федеральным, а не иным законам, а тем более другим нормативным актам»¹⁸⁴. Такой же точки зрения придерживается и Ю. Е. Пудовочкин¹⁸⁵.

На первый взгляд, Б. В. Волженкин и В. А. Егоров, с одной стороны, а Л. Д. Гаухман, В. Минская и Ю. Е. Пудовочкин, с другой, отрицают возможность использовать при толковании бланкетных норм УК не уголовные нормативные правовые акты разных «срезов»: первые авторы исключают акты двух уровней «по вертикали» – субъектов Федерации и муниципальных образований, вторые – и акты одного уровня «по горизонтали», т. е. все подзаконные акты либо законы, не относящиеся к федеральным. Однако их позиции объединяет общий аргумент – ссылки на нормативные правовые акты, не имеющие определенного «статуса» (федеральных или законов либо федеральных законов), означают возможность непосредственно влиять на изменение сферы уголовной ответственности тем (субъектам РФ или федеральным органам исполнительной власти), в чьем ведении уголовное законодательство не находится.

Как мы уже отметили в начале параграфа, позицию В. А. Егорова и Б. В. Волженкина разделяют не все авторы. Нет безусловного признания и второй позиции. Напротив, множество нормативных актов, к которым необходимо обращаться для уяснения бланкетных норм УК, стало критерием деления бланкетности на восходящую (обращенную к междуна-

¹⁸³ Гаухман Л. Д. Проблемы УК: бланкетность, декларативность, казуистичность. С. 51.

¹⁸⁴ Минская В. Уголовно-правовое обеспечение применения норм об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности // Уголовное право. 1999. № 3. С. 32.

¹⁸⁵ Пудовочкин Ю. Е. Указ. соч. С. 71.

родно-правовым актам надзаконного характера) и нисходящую, т. е. обращенную к внутренним актам подзаконного (подчиненного) уровня¹⁸⁶.

Вместе с тем существование позиций, не допускающих обращения к нормативным правовым актам, которые не имеют определенного статуса, и отстаивание их даже авторитетными специалистами не случайны. Сделанный ими вывод не только не исключается, но, напротив, с неизбежностью вытекает из распространенного определения бланкетных норм, как не содержащих описания признаков преступления¹⁸⁷. Ведь если признать, что признаки состава преступления, описанного в бланкетной диспозиции нормы Уголовного кодекса, содержатся в иных нормативных актах, а последние не являются федеральными, то, действительно, единое основание уголовной ответственности в разных регионах ставится под сомнение. Недопустимым представляется и «черпание» признаков состава преступления из нормативных актов без статуса закона: ч. 1 ст. 1 УК РФ определяет уголовное законодательство как состоящее, помимо Уголовного кодекса, из новых законов (только законов), подлежащих включению в этот Кодекс.

Таким образом, в указанных позициях просматривается вывод о том, что нормативные правовые акты иных отраслей в силу необходимости обращения к ним в процессе применения бланкетных норм УК становятся еще одним источником уголовного права, и, следовательно, частью уголовного законодательства. «Если уголовный закон есть единственный источник уголовного права, то как тогда объяснить наличие в уголовном праве, в частности, “бланкетных диспозиций”..?», – недвусмысленно ставится вопрос в учебной литературе¹⁸⁸. Иные отраслевые и межотраслевые законодательные акты считает источником уголовно-правовых предписаний Общей части уголовного права (хотя и называет это исключением из правила) В. П. Коняхин¹⁸⁹. К источнику уголовного права в целом ряде случаев относит федеральные нормы не уголовно-правового законодательства Ю. Е. Пудовочкин¹⁹⁰.

Вывод о «слиянии» регулятивных и уголовно-правовых норм был сформулирован профессором А. В. Наумовым, указавшим, что применительно к бланкетным диспозициям неуголовно-правовые нормы превращаются в «клеточку» уголовно-правовой «материи»¹⁹¹. Этот подход полностью разделяет и профессор П. С. Яни, по мнению которого, включение норм неуголовного законодательства, регулирующих отношения в соответствующей сфере, в уголовно-правовую норму является главным основанием, по которому «экономические» нормы УК сконструированы как бланкетные¹⁹². На имплантацию в уголовное право норм иных отраслей указал Н. И. Пикуров¹⁹³, а по мнению Ю. М. Михалева, «вообще нет такой отрасли права, отдельные нормы которой не входили бы органически в уголовно-правовые»¹⁹⁴.

Конечно, изложенное представление о границах уголовного законодательства разделяют (и разделяли) не все авторы.

¹⁸⁶ Бойцов А. И. Действие уголовного закона во времени и пространстве. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 35.

¹⁸⁷ Не вполне понятно, почему так считает и Ю. Е. Пудовочкин, признающий нормы с бланкетными диспозициями содержащими все признаки преступления.

¹⁸⁸ Российское уголовное право: Курс лекций. Т. 1. Преступление / Под ред. проф. А. И. Коробеева. С. 164.

¹⁸⁹ Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. С. 124.

¹⁹⁰ Пудовочкин Ю. Е. Указ. соч. С. 71–72.

¹⁹¹ Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. С. 91.

¹⁹² Яни П. С. Актуальные проблемы уголовной ответственности за экономические и должностные преступления. Автореф. дисс... докт. юрид. наук. М., 1996. С. 13.

¹⁹³ Пикуров Н. И. Теоретические проблемы межотраслевых связей уголовного права. С. 8.

¹⁹⁴ Михалев Ю. М. Криминальное банкротство / Науч. ред. докт. юрид. наук, проф. И. Э. Звечаровский. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. С. 39.

Так, возражая М. Д. Шаргородскому, утверждавшему, что источником социалистического уголовного права становятся постановления и распоряжения Совета Министров, приказы и инструкции министров¹⁹⁵, Н. Д. Дурманов писал: «С этим нельзя согласиться. Постановления Совета Министров СССР и Советов Министров союзных республик не определяют новых видов преступлений и не устанавливают наказания за них. Нельзя, например, считать уголовными законами Положение “Об охоте и охотничьем хозяйстве”... или Правила техники безопасности для строительного-монтажных работ и т. д. В подобных актах конкретизируются бланкетные диспозиции уголовного закона»¹⁹⁶.

Вскрыв рассогласованность норм УК с комплексными нормативными актами (федеральными законами «Об оружии», «О борьбе с терроризмом» и др.), бесспорно имеющими отношение к бланкетным уголовно-правовым нормам, профессор Л. Л. Кругликов также считает, что комплексные акты не могут рассматриваться как составная часть уголовного законодательства¹⁹⁷. Несмотря на включенность «в орбиту» действия уголовного законодательства, законы, на которые имеется ссылка в УК, А. Л. Кононова считает формально не относящимися к уголовному законодательству¹⁹⁸.

Таким образом, отраслевая принадлежность нормативных правовых *актов*, непосредственно связанных с *бланкетными нормами УК*, в теории уголовного права стала еще одной контроверзой, возникшей отнюдь не в наши дни.

Коренное решение этого спора следует искать не в самих доктринальных дефинициях бланкетных норм (хотя их анализ и позволяет выявлять некоторые «узкие места» в отрицании наличия всех признаков состава в бланкетной диспозиции), а в таких «фундаментобразующих» уголовное законодательство и науку уголовного права понятиях, как основание уголовной ответственности и уголовный закон.

Обратимся к ст. 8 УК РФ. Основанием уголовной ответственности, указано в ней, является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом. Применительно к рассматриваемому в настоящем параграфе вопросу в приведенном положении важно, что состав преступления, как совокупность признаков общественно опасного деяния, определяющих его как преступное и уголовно наказуемое¹⁹⁹, предусматривается в Уголовном кодексе. Подчеркнем, *именно* в нем и *только* в нем: единственно к такому выводу приводит буквальное толкование положения, закрепленного в ст. 8 УК. Если бы законодатель допустил какое-то изъятие из этого положения (в частности, для бланкетных норм), то и в ст. 8, и согласующейся с ней ч. 2 ст. 2 УК было бы указано, что «Уголовный кодекс *наряду* с другими нормативными правовыми актами определяет, какие деяния признаются преступлениями».

Не будем вдаваться в уточнение, что признаки состава того или иного преступления «черпаются» не только из диспозиций конкретных норм Особенной части, но и норм Общей части. Несмотря на то, что диспозиция статей Особенной части УК описывает не все, а лишь специфические для данного состава преступления признаки, – пишет Н. Ф. Кузнецова, – диспозиция уголовно-правовой нормы описывает все признаки состава преступления²⁰⁰. *Таким образом, все признаки, образующие состав преступления, сосредоточены в нормах Уголовного кодекса, а не «рассыпаны» и по иным нормативным правовым актам.*

¹⁹⁵ Шаргородский М. Д. Уголовный закон. М.: Юриздат, 1948. С. 30.

¹⁹⁶ Курс советского уголовного права. Т. 1. Уголовный закон. М.: Изд-во «Наука», 1970. С. 157.

¹⁹⁷ Кругликов Л. Л. Проблемы теории уголовного права: Избранные статьи. 1982–1999. ЯрГУ. Ярославль, 1999. С. 40–42.

¹⁹⁸ Российская газета. 2001.3 февр.

¹⁹⁹ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Юристъ. 1999. С. 59.

²⁰⁰ Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М.: Изд-во МГУ, 1969. С. 117.

Наличие всех признаков состава преступления в каждой бланкетной норме УК подтверждается не только законодательно, но и «практически». Как мы отмечали в параграфе первом, так называемые «ссылки» (или «отсылки»), как их именуют сторонники отрицания признаков состава в бланкетной диспозиции, в действительности ничем иным, как признаком состава, быть не могут. И эти признаки («ценные бумаги», «товарный знак» и др.) визу-ально устанавливаемы!

Обратим внимание, что Л. Д. Гаухман, считающий диспозиции ст. 169–172 УК бланкетными, не только ни разу не указал на отсутствие в них описания состава, но и подробно анализирует *все* элементы составов²⁰¹.

Специфика описания бланкетных признаков не отрицает, а, наоборот, подтверждает их наличие в диспозиции уголовно-правовой нормы. Поэтому мы не можем согласиться с тем, что «наличие бланкетных норм в УК и их применение незаконно»²⁰². Как справедливо отметил В. В. Соколов: «Наличие бланкетных диспозиций в нормах уголовного законодательства, отсылающих к нормативным актам информационного характера (так В. В. Соколов называет акты не уголовно-правового характера. – *И. Ш.*), не противоречит принципу «*nullum crimen, nulla poena sine lege*», а потому правомерно. Н. И. Пикуров также считает, что указанный принцип остается в силе и применительно к использованию бланкетных диспозиций (автор подчеркивает, что это возможно при строгом соблюдении правил законодательной техники)²⁰³.

Утверждение об отсутствии признаков (или хотя бы одного) состава в диспозициях бланкетных норм УК прямо противоречит не только ст. 8, но и ст. 1, 2 и 3 УК РФ. Противоречит оно и преобладающей в юридической литературе дефиниции уголовного закона, в том числе формулируемой сторонниками указанного утверждения: «Уголовный закон, – подчеркивают криминалисты, – отличается от других законов именно содержанием норм права. Он устанавливает *основания* и принципы уголовной ответственности, определяет, какие именно общественно опасные деяния признаются преступными и какие наказания предусматриваются за их совершение...»²⁰⁴ Как же бланкетная норма (тем более расположенная в Особенной части УК), не определяющая, какое общественно опасное деяние признается преступлением, может быть «содержанием» уголовного закона?

Но если в бланкетных нормах Особенной части УК есть *все признаки преступлений*, то основание уголовной ответственности *всегда едино*, независимо от того, в каком регионе (или организации) лицо совершает деяние: Уголовный кодекс – *общероссийский* кодифицированный акт.

Казалось бы, приведенные аргументы уже доказывают, что нормы других отраслей права (сколь угодно часто ни обращаемся мы к ним при толковании бланкетных норм УК) не могут признаваться источником уголовного права и составной частью уголовного законодательства: со всем, что необходимо для решения задач, обозначенных в ч. 1 ст. 2 Уголовного кодекса, последний справляется сам. Однако нельзя не привести и ряд других доводов, развенчивающих представление о связанных с бланкетными нормами УК актах других отраслей, как части уголовного законодательства.

Во-первых (здесь мы повторим важнейший правовой аргумент), согласно ч. 1 ст. 1 Уголовного кодекса РФ уголовное законодательство Российской Федерации состоит из этого Кодекса и новых законов, предусматривающих уголовную ответственность и подлежащих

²⁰¹ Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Преступления в сфере экономической деятельности. М.: Учебно-консультат. центр «ЮрИнфоР», 1998. С. 115, 132, 139–140 и др.

²⁰² Гаухман Л. Д. Проблемы УК: бланкетность, декларативность, казуистичность. С. 51.

²⁰³ Пикуров Н. И. Теоретические проблемы межотраслевых связей уголовного права. С. 33.

²⁰⁴ Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. С. 58.

в него включению в Кодекс. Таким образом, к уголовному законодательству относятся не любые новые законы, а только *устанавливающие уголовную ответственность*.

Сравнение ст. 1 УК РФ и ст. 3 Гражданского кодекса РФ, убеждает, что в термин «законодательство» вложена не вся совокупность нормативных правовых актов любого уровня, а единственно законов. Это сравнение, кроме того, доказывает, что нормативные акты, *регулирующие имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения*, не входят в уголовное законодательство даже в чине «закона».

Поэтому ни Уголовный кодекс РФ, ни важнейший из актов регулятивного законодательства – Гражданский кодекс, не оставляют никаких «лазеек» для отнесения актов, не устанавливающих уголовную ответственность, к уголовному законодательству.

Л. Л. Кругликов приводит веские доводы в пользу несводимости уголовного законодательства к Уголовному кодексу²⁰⁵.

Однако, с нашей точки зрения, указанные автором нормативные акты либо являются источниками в силу предписаний того же Уголовного кодекса, либо являются актами-исключениями²⁰⁶.

Во-вторых, не уголовные нормативные правовые акты не содержат описание *признаков преступления*. Целью их принятия является регулирование того или иного пласта позитивных общественных отношений, о чем указывается в самих этих актах (более подробно мы будем писать об этом в следующей главе), а термины, заимствованные из них уголовно-правовыми нормами, используются в первых для описания только дозволенного либо и недозволенного поведения, но, повторим, не преступного. И в самом деле, разве для описания незаконного предпринимательства (ст. 171 УК) используется термин «лицензия» в Федеральном законе от 8 августа 2001 г. «О лицензировании отдельных видов деятельности»²⁰⁷, разве для описания уклонения от уплаты налогов (ст. 198, 199 УК) используется термин «налог» в Налоговом кодексе РФ, разве для конструирования диспозиции ст. 178 в Закон РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» включены²⁰⁸ термины «монопольно низкая цена», «монопольно высокая цена», «конкуренция» и т. д.?

²⁰⁵ Кругликов Л. Л. Проблемы теории уголовного права. С. 39–46.

²⁰⁶ Л. Л. Кругликов приводит доводы в пользу признания Уголовного кодекса не единственным источником уголовного права, указывая, что к таковым должны быть отнесены конституционные положения уголовно-правового характера, некоторые уголовно-правовые положения международных договоров РФ, сохраняющие свою силу отдельные нормативные акты Союза ССР, нормативные акты об уголовной ответственности за преступления против военной службы, рассчитанные на применение их в военное время, утратившие силу уголовные законы, распространяющиеся на деяния, совершенные в период действия этих законов, и некоторые другие (Кругликов Л. Л. Указ. соч. С. 46). Разделяя убедительные доводы автора в пользу признания источником уголовно-правовых положений Конституции и международных договоров (из ч. 2 ст. 1 УК можно сделать вывод, что все содержащиеся в них уголовно-правовые положения Уголовный кодекс уже вообрал в себя, и только поэтому нет оснований указывать их в числе источников), позволим высказать свои соображения относительно других «источников». Нормы об уголовной ответственности за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, действительно определяются законодательством военного времени, но, во-первых, определяются им в соответствии с предписанием Уголовного кодекса (ч. 3 ст. 331 УК), а, во-вторых, это законодательство не постоянного действия, и поэтому является *исключением* из «общего правила». Таким же *исключением* считаем и сохраняющие силу в соответствии с разд. 2 (ст. 2) Конституции отдельные нормативные акты Союза ССР: они предусматривают изъятие из института давности применительно только к определенным категориям лиц, совершившим преступления в период Второй мировой войны (гитлеровские преступники) либо в 1941–1945 гг. (советские граждане). Именно исключением считал эти акты и принявший их орган – Президиум Верховного Совета СССР: «... в виде исключения из ст. 41 Основ уголовного законодательства», – говорится в нем о действии Указа от 4 марта 1965 г. «О наказании лиц, виновных в преступлениях против мира и человечества и военных преступлениях, независимо от времени совершения преступления». Утратившие силу уголовные законы, распространяющиеся на деяния, совершенные в период действия этих законов, во-первых, (и это важно для нас), несомненно, уголовные, поскольку их содержание полностью соответствует определению таких законов в юридической литературе, во-вторых, они применяются в силу положения, закрепленного в ст. 9 Уголовного кодекса РФ.

²⁰⁷ СЗ РФ. 2001. № 33 (часть I). Ст. 3430.

²⁰⁸ Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 16. Ст. 499.

Пожалуй, только в одном из не уголовных актов законодатель сделал попытку сформулировать именно признаки преступлений. Мы имеем в виду определение контрабанды, уклонения от уплаты таможенных платежей, незаконных валютных операций и иных деяний с валютными ценностями в ст. 219–221 Таможенного кодекса РФ²⁰⁹, в этом, редчайшем, случае даже гл. 34 ТК именуется «Контрабанда и иные преступления в сфере таможенного дела». Однако и названные статьи ТК никто не рассматривал как часть уголовного законодательства: уголовное законодательство РСФСР и РФ полностью охватывалось и охватывается Уголовным кодексом. Кроме того, указанные статьи ТК не соответствуют общепринятому доктринальному определению уголовного закона: в нем установление наказания за совершение преступлений упоминается как не альтернативный, а обязательный признак, перечисленные же статьи Таможенного кодекса санкции не содержат.

В-третьих, если согласиться, что *нормы* других отраслей права следует считать уголовно-правовыми в силу необходимости обращения к ним в процессе применения бланкетных норм УК, то придется признать, что первые нормы утрачивают свою «первоначальную» отраслевую принадлежность: в отличие от нормативного правового акта, *норма не может быть комплексной!* «Одна и та же норма не может одновременно регулировать два разных вида общественных отношений и заключать в себе два разных метода правового регулирования. Именно поэтому одно и то же предписание не может быть одновременно включено в две разные отрасли права»²¹⁰.

«...Только изменение содержания соответствующей нормы, – отмечает И. С. Самощенко, – способно обусловить переход ее из одной в другую отрасль права»²¹¹. Поэтому можно согласиться с Н. И. Пикуровым в части имплантации *материала* иной отраслевой принадлежности в уголовно-правовую норму, но неправомерным представляется его утверждение об имплантации в уголовное право *норм* иных отраслей²¹². По этой же причине трудно согласиться с П. С. Яни в том, что «характеристика “бланкетность” может, строго говоря, относиться только к статьям закона, но не к его нормам»²¹³.

Кроме того, если за нарушение описанного в регулятивной норме правила поведения ответственность установлена и бланкетной нормой КоАП РФ (а в нем немало норм, устанавливающих ответственность за нарушения в сфере экономической деятельности), то норму нужно *попеременно* считать то уголовно-правовой, то административно-деликтивной (этакий правовой «трансоотраслевизм»)?

Нормы Налогового кодекса нередко также содержат бланкетные признаки: не случайно в нем появилось положение о применении понятий и терминов гражданского, семейного и других отраслей законодательства, используемых в НК (ч. 1 ст. 11 НК). Однако нормы гражданского, семейного и других отраслей, из которых для Налогового кодекса заимствованы понятия и термины, никто не причислял к налоговым!

В-четвертых, толкование бланкетных норм «адресует» к разным нормативным актам, включая самые «низшие» в их иерархии. По логике специалистов, признающих не уголовные акты частью уголовного законодательства, этой частью являются даже локальные нормативные акты частных организаций. Именно к ним приходится обращаться, в частности, для толкования признака «коммерческая тайна»: круг составляющих ее сведений (ответственность за незаконные получение и разглашение которой предусмотрена ст. 183 УК) в

²⁰⁹ СЗ РФ. 1993. № 31. Ст. 1224.

²¹⁰ Киримова Е. А. Система права и система законодательства // Правовая политика и правовая жизнь. 2002. № 2. С. 54.

²¹¹ Самощенко И. С. Система советского законодательства. М., 1980. С. 16.

²¹² Пикуров Н. И. Теоретические проблемы межотраслевых связей уголовного права. С. 8.

²¹³ Яни П. С. Актуальные проблемы уголовной ответственности за экономические и должностные преступления. С. 13–14.

соответствии с федеральным законодательством (ГК РФ относится именно к нему) определяют сами организации.

Одним словом, причисление к уголовному законодательству всех нормативных правовых актов, «проясняющих» бланкетные нормы УК, означает полную декодификацию уголовного законодательства.

Приведем еще два аргумента, заключающихся в противоречивости критикуемой нами позиции ученых.

Авторы, «раздвигающие» границы уголовного законодательства при описании бланкетных диспозиций, должны были бы отстаивать многообразие источников уголовного права и в тех частях учебников, где речь идет об уголовном законе. Однако это не всегда так. Например, профессор А. В. Наумов отмечает, что своеобразным источником российского уголовного права являются и некоторые акты международного права, однако на их основании, уточняет он, нельзя кого-либо привлечь к уголовной ответственности... Никакие иные исключения из источников уголовного права, в том числе и для актов, содержащих «клеточки» уголовно-правовой материи, автор не делает²¹⁴.

Такое же рассогласование имеет место в другом курсе лекций, где, с одной стороны, утверждается, что мнение об уголовном законе как единственном источнике, вряд ли бесспорно²¹⁵, а, с другой, что «действующее российское уголовное законодательство моногамно, так как весь объем его содержания составляет лишь Уголовный кодекс...»²¹⁶

Признание не уголовных нормативных правовых актов, «участвующих» в применении бланкетных норм УК, составляющей уголовного законодательства, «клеточкой» уголовно-правовой материи, противоречит другому утверждению тех же авторов, по мнению которых (и оно, несомненно, правильно!) «бланкетные нормы УК позволяют достигнуть известной стабильности уголовного закона, которая не должна ставиться в прямую зависимость от изменения нормативных актов *другой отрасли права* (курсив наш. – И. Ш.)»²¹⁷. Но, если не уголовные акты признаются частью уголовного законодательства (хотя, как видим, иногда их опять причисляют к другим отраслям), как они могут *одновременно* изменяться и оставаться стабильными? ²¹⁸

Если бы не было необходимости обеспечить уголовно-правовые нормы *специальным правовым режимом*, нормы, устанавливающие уголовную ответственность за те или иные действия (бездействие), располагались бы в соответствующем регулятивном законе «по соседству» с обеспечиваемой охраной нормой или в «охранительной» главе такого закона. В первом случае признаки деликта были бы понятны каждому, так как его описанию непосред-

²¹⁴ Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. С. 59.

²¹⁵ Российское уголовное право: Курс лекций. Т. 1. Преступление /Под ред. проф. А. И. Коробеева. С. 164.

²¹⁶ Там же. С. 168.

²¹⁷ Российское уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М.: Изд-во «Спарк», 1997. С. 58–59.

²¹⁸ Л. Д. Гаухман предложил установить, что «тексты законов, на которые сделаны ссылки в бланкетных нормах УК РФ, или необходимые выдержки из них являются обязательными приложениями к данному УК, и в эти приложения при изменении и дополнении законов вносятся соответствующие коррективы» (Гаухман Л. Д. Проблемы УК: бланкетность, декларативность, казуистичность. С.53). Не ясна, однако, природа «обязательных приложений». Поскольку упомянутые законы не устанавливают уголовную ответственность, а регулируют позитивные общественные отношения, они не могут быть частью уголовного законодательства, даже будучи повторенными в «приложениях к УК». Если же речь идет об «информационном» приложении, то по объему оно в значительной степени будет приближаться к объему регулятивного законодательства (ведь к толкованию бланкетной диспозиции может иметь отношение большая часть норм не уголовных актов), что делает работу над таким приложением почти бессмысленной. О дополнении Уголовного кодекса РФ обязательным приложением, включающим исчерпывающий перечень нормативных правовых актов, положения которых составляют бланкетное содержание уголовно-правовых норм, пишет и В. П. Коняхин (Коняхин В. П. Указ. соч. С. 124). Однако, помимо уже изложенных возражений, приведем еще одно. Исчерпывающий перечень невозможен ввиду *непрекращающегося развития* регулятивного экономического законодательства, во-первых, и ввиду лишения этим бланкетных норм возможности обеспечения стабильности уголовного закона, во-вторых.

ственно предшествовали бы нормы, определяющие права и обязанности участников соответствующих общественных отношений.

Во втором случае в связи с некоторой «отдаленностью» нормы, устанавливающей ответственность за нарушение запрета, уже бывает необходимо сослаться на нормы, содержащие запрет того либо иного поведения. Такие нормы становятся отсылочными. Например, в соответствии с п. 1 ст. 46 Закона РФ «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров»²¹⁹ «использование товарного знака и наименования места происхождения товара или сходного с товарным знаком или наименованием места происхождения товара обозначения для однородных товаров, противоречащее положениям пункта 2 статьи 4 и пункта 2 статьи 40 настоящего Закона, влечет за собой гражданскую... ответственность...».

При «перемещении» норм, устанавливающих ответственность, в уголовно-правовую отрасль признаки, выполняющие ту же роль, что и отсылочные в рамках одной отрасли, объявляются уже бланкетными, но назначение их остается прежним – «связать» норму УК с охраняемой нормой (нормами) регулятивной отрасли. «Переезжает» в другую отрасль, однако, только норма, устанавливающая уголовную ответственность за запрещенное поведение участников позитивных общественных отношений, а не норма, определяющая поведение участников этих отношений: она отраслевой принадлежности не меняет.

Однако самым мощным по «разрушительной силе» аргументом против включения в уголовное законодательство актов иных отраслей, непосредственно связанных с бланкетными нормами УК, стало определение Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности примечания 2 к ст. 158 УК²²⁰. Несмотря на то, что для установления минимального размера оплаты труда, упоминаемого в целом ряде норм УК, включая примечание к ст. 158, необходимо обращаться к законам, определяющим этот размер, Конституционный Суд РФ указал, что «минимальный размер... устанавливается не уголовным законом, а законом иной отраслевой принадлежности (курсив наш. – И. Ш.)»²²¹. Данное определение квалифицированно, авторитетно и безвозвратно «разбивает» представление об «уголовно-правовой принадлежности» не уголовных норм, к которым мы обращаемся, применяя бланкетные нормы УК²²².

Из неотносимости нормативных правовых актов, «проясняющих» бланкетные нормы УК, к уголовному законодательству вытекают несколько важных выводов.

1. Обращение к региональному законодательству, подзаконным актам Российской Федерации и даже локальным нормативным актам для уяснения бланкетных норм УК *не противоречит ст. 71 Конституции РФ в части закрепления уголовного законодательства в ведении Российской Федерации*, поскольку ни региональное законодательство, ни подзаконные акты РФ, ни локальные нормативные акты не являются частью уголовного законодательства.

2. Вопрос о том, к нормативным правовым актам какого «статуса» (или какой формы) нужно обращаться при толковании бланкетных признаков составов преступлений, зависит *исключительно от того, в чьем ведении находится правовое регулирование тех общественных отношений*, которые охраняет соответствующая норма Особенной части. Если оно находится в ведении РФ, то обращаться, конечно, допустимо только к федеральным нормативным правовым актам. В тех случаях, когда такое регулирование находится в совместном

²¹⁹ Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 42. Ст. 2322.

²²⁰ Российская газета. 2001.3 февр.

²²¹ Там же.

²²² Справедливости ради следует напомнить, что о неотносимости к уголовному законодательству нормы, устанавливающей минимальный размер оплаты труда, еще в 1992 г. утверждал заместитель Председателя Верховного Суда РФ В. П. Верин (Бюллетень Верховного Суда РФ. 1992. № 11. С. 4).

ведении Российской Федерации и ее субъектов, или только в ведении последних, оснований игнорировать региональные нормативные правовые акты нет, как нет оснований игнорировать акты исполнительной власти или локальные нормативные акты (корпоративные акты) органов управления организацией, если решение определенных вопросов отнесено к компетенции последних.

Изложенное не позволяет согласиться с предложением «закрепить в УК РФ положение, согласно которому в бланкетных нормах допустимы ссылки только на законы, но не на другие нормативные правовые акты»²²³.

Обратим внимание, в подобных предложениях по существу проявляется взгляд на регулятивное законодательство как подчиненное исключительно интересам уголовного права! Однако известно, что *форма нормативного правового акта зависит от того, в чьем ведении находится правовое регулирование общественных отношений*, что, в свою очередь, определяется *характером* регулируемых общественных отношений. Так, отношения по организации Российской Федерации в качестве целостного государства (в частности, обеспечения единого правового пространства, установления общего на всей территории режима законности и т. и.) требуют исключительной централизованности, и поэтому их регулирование относится к ведению Российской Федерации. Ввиду необходимости обеспечения единого экономического пространства только на федеральном уровне осуществляется гражданско-правовое регулирование²²⁴. Если отношения важны исключительно для субъектов РФ или имеют значительные особенности на местах, то регулирование осуществляется на уровне субъекта Российской Федерации или относится к совместному ведению. В случае, когда характер общественных отношений требует оперативности в их регулировании, такое регулирование осуществляется органами исполнительной власти. По мнению же многих криминалистов, форма нормативных правовых актов должна определяться не тем, какие общественные отношения они регулируют, а тем, в толковании норм какого «ранга» они «участвуют».

Вернемся к дискуссии о предмете преступления, предусмотренного ст. 199 УК. Из ст. 71 Конституции Российской Федерации видно, что в ведении РФ находятся *федеральные* налоги и сборы, а установление *общих* принципов налогообложения и сборов в РФ отнесено к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов (ст. 72 Конституции). Согласно ст. 1, 3, 6, 12 и 13 Налогового кодекса РФ, региональные и местные налоги устанавливаются не только этим Кодексом, но и соответственно законами субъектов РФ и нормативными правовыми актами представительных органов местного самоуправления. Следовательно, есть все основания включить в предмет названного преступления региональные и местные налоги.

Конституционность установления налогов, наряду с Налоговым кодексом РФ, законами субъектов РФ и нормативными правовыми актами представительных органов местного самоуправления подтверждал и Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 21 марта 1997 г. В нем указано: «Признать положение абзаца первого пункта 2 статьи 20 Закона Российской Федерации “Об основах налоговой системы в Российской Федерации” с учетом вытекающего из части первой статьи 1 данного Закона *права органов государственной власти субъектов Российской Федерации устанавливать и отменять налоги и сборы, а также льготы налогоплательщикам в соответствии с общими принципами налогообложения и сборов соответствующим Конституции Российской Федерации*»²²⁵.

²²³ Гаухман Л. Д. Проблемы УК: бланкетность, декларативность, казуистичность. С. 53.

²²⁴ Якушев В. С. Гражданское законодательство и законодательство субъектов РФ // Российский юридический журнал. 2001. № 1. С. 40.

²²⁵ СЗ РФ. 1997. № 13. Ст. 1602. См. также: Постановление Конституционного Суда РФ от 30 января 2001 г. // СЗ РФ. 2001. № 7. Ст. 701.

Напомним, что и высшая судебная инстанция считает региональные и местные налоги предметом преступления, предусмотренного ст. 199 УК. Так, в абз. 2 п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах применения судами Российской Федерации уголовного законодательства об ответственности за уклонение от уплаты налогов» разъясняется, что «суд может указать в приговоре размер денежной суммы, подлежащей взысканию с осужденного, и, в зависимости от *вида*²²⁶ неуплаченного налога – наименование бюджета (федеральный, *региональный, местный*), в доход которого указанная сумма подлежит взысканию».

В то же время принятые до вступления в силу Федерального закона от 25 сентября 1998 г. «О лицензировании отдельных видов деятельности» в некоторых субъектах РФ постановления о введении лицензирования заготовки, переработки и реализации лома цветных металлов (эту деятельность чаще всего считали требующей контроля), были незаконными.

В соответствии с ч. 2 ст. 4 ФЗ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» перечень лицензируемых видов деятельности при отсутствии федерального закона определялся постановлением Правительства РФ от 24 декабря 1994 г. «О лицензировании отдельных видов деятельности». Указанное постановление заготовку, переработку и реализацию лома цветных металлов не относило к лицензируемым видам деятельности и *не предоставляло субъектам РФ полномочий* на введение непредусмотренных к лицензированию видов деятельности²²⁷. Следовательно, обращаться к нормативным правовым актам субъектов РФ о лицензировании указанного вида деятельности до 4 октября 1998 г. было недопустимо, а привлечение к ответственности по ст. 171 УК за осуществление без лицензии заготовки, переработки и реализации лома цветных металлов было незаконным.

Высказывания за обращение при толковании признаков составов экономических преступлений только к федеральному законодательству стали своеобразной «дискриминацией» этих преступлений. Ведь не ставился же вопрос об отсутствии единого основания уголовной ответственности за незаконную охоту, хотя, как известно, правила охоты с учетом местных особенностей устанавливают субъекты РФ. Наконец, и сам Уголовный кодекс содержит «указатель» на региональное законодательство, подробно раскрывающее признак состава преступления. Так, для уяснения признака «лица, занимающего государственную должность субъекта РФ», п. 3 примечания к ч. 2 ст. 285 УК прямо адресует правоприменителей к региональным нормативным актам, хотя несовпадение в них при отнесении к этой категории тех или иных должностных лиц уже предполагается.

В литературе мы встретили указание на две цели формулирования бланкетных норм в Уголовном кодексе – обеспечить краткость изложения и стабильность уголовного закона²²⁸. А. И. Бойцов, кроме того, указал, что бланкетность направлена либо на учет местных условий применения уголовного закона, либо на универсальные способы защиты общечеловеческих ценностей²²⁹. В связи с изложенным уместно напомнить, что Н. Д. Сергеевский объяснял получение сильного развития бланкетных диспозиций в Германском уложении по отношению к преступным деяниям низшей категории тем, что «соответствующие им определительные нормы весьма различны между собою в законодательствах отдельных герман-

²²⁶ В соответствии со ст. 12 НК РФ в Российской Федерации устанавливаются следующие *виды* налогов: федеральные налоги, налоги субъектов РФ, местные налоги.

²²⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 5. С. 2.

²²⁸ Российское уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М.: Изд-во «Спарк», 1997. С. 58–59; Пихуров Н. И. Применение следователем уголовно-правовых норм с бланкетной диспозицией. С. 6; Шутило О. В. Законодательная техника при описании преступлений в сфере экономической деятельности. С. 328. и др.

²²⁹ Бойцов А. И. Указ. соч. С. 35–36.

ских государств, а такое различие не допускает описательной диспозиции в общем для всех государств Уголовном уложении»²³⁰.

С учетом обоснованной возможности использования при толковании бланкетных диспозиций уголовно-правовых норм нормативных правовых актов субъектов РФ, муниципальных образований и локальных, необходимо, полагаем, уточнить одну из целей использования бланкетных диспозиций, указанных А. И. Бойцовым. Такой целью является *отражение влияющих на квалификацию преступлений особенностей в федеральном, региональном, муниципальном и осуществляемом отдельными хозяйствующими субъектами регулировании экономических отношений*.

²³⁰ Пособие к лекциям Сергеевского Н. Д. С. 40.

§ 3. Действие в пространстве и во времени регулятивных норм, связанных с «экономическими» нормами УК

В предыдущем параграфе мы обосновали, что нормативные правовые акты (законодательство в широком смысле), к которым правоприменитель обращается для уяснения бланкетных диспозиций норм Уголовного кодекса, *не являются уголовно-правовыми*. Поэтому, сделали мы первый вывод, форма этих нормативных правовых актов (федеральный закон, указ Президента, постановление Правительства РФ, акты федеральных органов исполнительной власти, законы субъектов РФ и т. д.), *зависит исключительно от того, в чьем ведении находится правовое регулирование* тех общественных отношений, которые охраняются соответствующей нормой Особенной части. Но в зависимости от того, в ведении Российской Федерации, субъекта РФ или муниципального образования находится указанное регулирование, *различно и действие соответствующих актов в пространстве*. На действие в пространстве влияет и компетенция органа, принявшего соответствующий нормативный правовой акт: при общей компетенции он распространяется на всю территорию РФ, ее субъекта или муниципального образования, при отраслевой – пределы действия в пространстве, как правило, сужаются. И уж совсем невелико пространство, в котором действуют локальные (корпоративные) нормативные правовые акты.

Таким образом, действие в пространстве норм Уголовного кодекса РФ, с одной стороны, и нормативных правовых актов, необходимых для уяснения бланкетных норм УК, с другой стороны, определяется по-разному. Пространственные пределы действия первых установлены ст. 11 и 12 УК, вторых – как правило, зависят от принявшего органа.

Тотальная бланкетность норм гл. 22 Уголовного кодекса и супердинамичность законодательства, регулирующего отношения в сфере экономической деятельности, актуализировали вопрос и о темпоральном действии содержащихся в нем норм, «задействованных» в процессе применения бланкетных норм УК.

На первый взгляд, обозначенный вопрос должен решаться точно так же – по-разному, в зависимости от отраслевой принадлежности норм. При этом уточним «составляющие» темпорального действия правовых норм. Как известно, при исследовании действия нормы во времени важно различать два обстоятельства: время, в течение которого норма находится в силе, и пределы ее действия во времени, т. е. на какие факты, отношения она распространяется²³¹.

Первая составляющая практически не имеет особенностей в уголовном праве в сравнении с нормами иных отраслей, «размещенными» в *законах*: порядок вступления в силу всех федеральных законов определен Федеральным законом от 14 июня 1994 г. «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания»²³².

Вторая составляющая частично тоже имеет сходство: новый уголовный закон, как, например, и гражданский (именуемый криминалистами базовым) распространяется на *факты* (преступное деяние – в уголовном праве; отношения, права и обязанности – в гражданском праве), имевшие место после введения их в действие. Соответственно к лицам, совершившим преступное деяние до этого, применяется старый уголовный закон, как ста-

²³¹ Бахрах Д. Н. Действие правовой нормы во времени // Советское государство и право. 1991. № 2. С. 12.

²³² СЗ РФ. 1994. № 8. Ст. 801; 1999. № 43. Ст. 5124.

рый гражданско-правовой закон применяется к отношениям (правам и обязанностям), возникшим в период его действия.

Однако регулирование темпоральных параметров действия уголовно-правовых норм имеет особенность: уголовный закон, каким-либо образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу (ретроактивен), т. е. распространяется на лиц, совершивших преступные деяния до вступления такого закона в силу. Конечно, эта особенность – не уникальна. В соответствии со ст. 54 Конституции закон, устанавливающий или отягчающий ответственность (в связи с отсутствием указания *вида* ответственности, речь идет о любой. – *И. Ш.*), обратной силы не имеет (эта норма, помимо ст. 10 УК, воспроизведена и в некоторых других законах, например, в ст. 1.7 КоАП РФ, п. 3 ст. 5 НК РФ). Как видно, ретроактивность присуща деликтным нормам любых отраслей. Однако все деликтные нормы «берут начало» в нормах, *регулирующих* соответствующие позитивные общественные отношения, поэтому и при уяснении бланкетных норм УК правоприменитель обращается к регулятивным нормам, на которые конституционная ретроактивность не распространяется. В соответствии с нормами, определяющими действие регулятивных нормативных правовых актов во времени, указанные акты не имеют обратной силы (п. 1 ст. 4 ГК РФ, ст. 5 Бюджетного кодекса и др.), и их действие распространяется на отношения, возникшие до введения их в действие, только тогда, когда это прямо в них предусмотрено.

Статья 5 НК РФ, развивая положение, закрепленное в ст. 57 Конституции РФ, *не допускает придание обратной силы* актам законодательства о налогах и сборах, устанавливающим новые налоги и (или) сборы, повышающим налоговые ставки, размеры сборов, устанавливающим или отягчающим ответственность за нарушение законодательства о налогах и сборах, устанавливающим новые обязанности или иным образом ухудшающим положение налогоплательщиков или плательщиков сборов, а также иных участников отношений, регулируемых законодательством о налогах и сборах (п. 2), и допускает обратную силу актов *{если это прямо предусмотрено в них}*, отменяющих налоги и (или) сборы, снижающих размеры ставок налогов (сборов), устранивающих обязанности налогоплательщиков, плательщиков сборов, налоговых агентов, их представителей или иным образом улучшающих их положение (п. 4).

Исключительность (а в налоговом законодательстве иногда и недопустимость) придания обратной силы регулятивным нормативным актам, устанавливающим обязанности или вводящим запреты, и положение, закрепленное вторым предложением ч. 1 ст. 10 УК, практически сняли вопрос о привлечении к уголовной ответственности лиц, не выполнивших установленную обязанность или нарушивших запрет в тот период, на который новому акту придана обратная сила. «Принцип необратимости закона в прошлое, – пишет А. И. Бойцов, – должен также распространяться на акты, не относящиеся к области уголовного законодательства, но образующие бланкетное содержание уголовно-правовых норм»²³³. Соккрытие имущества, внесенного в перечень налогооблагаемых объектов после того как было совершено соответствующее деяние, справедливо отмечает автор, не образует состава преступления²³⁴.

Что касается новых актов регулятивного законодательства, *улучшающих* каким-либо образом положение участников соответствующих отношений (отменяющих обязанности совершать какие-то действия, дозволяющих ранее запрещенное поведение), то их действие во времени интерпретируется нетождественно.

²³³ Бойцов А. И. Действие уголовного закона во времени и пространстве. С. 64.

²³⁴ Там же.

Ряд авторов считает, что вступившие в силу «улучшающие» регулятивные нормативные правовые акты не имеют обратной силы и поэтому не влекут декриминализацию ранее совершенных деяний.

Так, по мнению Т. А. Дикановой и В. Е. Осипова, если на момент перемещения через границу товаров, относящихся к стратегически важным сырьевым товарам, действовали специальные правила перемещения их через таможенную границу, и лишь потом были упразднены, прекращение уголовного дела и переквалификация содеянного на ч. 1 ст. 188 УК РФ являются незаконными, поскольку в таможенном деле применяются акты законодательства, действующие на момент принятия таможенной декларации и иных документов таможенным органом РФ, за исключением случаев, предусмотренных... актами законодательства РФ²³⁵.

Применительно к налоговым преступлениям мы также утверждали, что «отмена налога, от уплаты которого лицо уклонялось, не влечет изменения уголовно-правовой оценки уклонения»²³⁶. Такого же мнения придерживаются Д. Магомедов и В. Ковалев²³⁷, А. В. Хабаров²³⁸.

Однако многие авторитетные специалисты отстаивают неприменимость бланкетных уголовно-правовых норм к деяниям, которые утратили противоправность вследствие изменения регулятивных норм права уже после их совершения.

Так, Л. Д. Гаухман, отметив нестабильность не уголовных нормативных актов, указывает, что она возлагает на правоприменителя обязанность устанавливать, «какая именно норма не уголовного закона или иного нормативного правового акта и в какой ее редакции действовала во время совершения деяния, и распространяются ли на эту норму, в частности, с учетом ее последующих изменений и дополнений, в сочетании с соответствующей статьей Особенной части УК РФ положения об обратной силе уголовного закона»²³⁹.

Б. В. Волженкин подверг критике наше мнение о применимости «налоговых» норм УК к лицам, уклонившимся от уплаты налога, который впоследствии был отменен²⁴⁰. В частности, он отметил неубедительность ссылки на п. 4 ст. 5 Налогового кодекса, что акты законодательства о налогах, отменяющие налоги, снижающие размеры ставок налогов, устраняющие обязанности налогоплательщиков, могут иметь обратную силу, если прямо предусматривают это. «Нормы об ответственности за уклонение от уплаты налогов или страховых взносов в государственные внебюджетные фонды (ст. 198, 199 УК РФ)... типично бланкетные, — пишет автор. — Содержание объективной стороны составов этих преступлений во многом определяется налоговым законодательством. И, если оно изменилось, в частности, отменен какой-либо налог, то круг преступного поведения сужается, деяние частично декриминализируется и тогда применяются уже общие положения уголовного закона об обратной силе»²⁴¹.

Обращение к ст. 10 Уголовного кодекса при «улучшающих» изменениях в не уголовном законодательстве считает возможным и П. С. Яни: «... с учетом изменений в регламентации

²³⁵ Диканова Т. А., Осипов В. Е. Борьба с таможенными преступлениями и «отмыванием» «грязных» денег. М: ЮНИТИ-Дана, Закон и право, 2000. С. 149.

²³⁶ Шишко И. ВХлупина Г. Н. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов или страховых взносов в государственные внебюджетные фонды с организации. С. 11; Шишко И. В. Некоторые проблемы применения «налоговых» норм УК// Современная преступность: состояние, тенденции, средства преодоления: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999. С. 148.

²³⁷ Магомедов Д, Ковалев В. Особенности квалификации налоговых преступлений //Законность. 2003. № 2. С. 37.

²³⁸ Хабаров А. В. Действие Конституции Российской Федерации в сфере уголовно-правовых отношений // Правовая политика и правовая жизнь. 2002. № 4. С. 169.

²³⁹ Гаухман Л. Д. Проблемы УК: бланкетность, декларативность, казуистичность. С. 50.

²⁴⁰ Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности. С. 485.

²⁴¹ Там же.

положений института моратория при банкротстве, – указывает он, – следует заключить, что – в силу бланкетности ст. 195 УК и требований ст. 10 УК («Обратная сила уголовного закона») – действия Метисова с позиций ныне действующего закона о банкротстве перестали быть неправомерными. Значит в его действиях отсутствуют все необходимые признаки объективной стороны состава, описанного ст. 195 УК»²⁴².

А. И. Бойцов также полагает, что исключение имущества, за уклонение от уплаты налога на которое лицо было привлечено к уголовной ответственности, из перечня налогооблагаемых объектов должно влечь прекращение уголовного дела²⁴³. Возможность придания обратной силы закону, могущему улучшить положение лица, совершившего преступление, «через бланкетную норму УК РФ» признает и судья Конституционного Суда Т. Г. Морщакова²⁴⁴.

По мнению Н. И. Пикурова, принципы действия норм гражданского и административного права «не могут рассматриваться изолированно от принципа действия во времени связанного с ними уголовного закона»²⁴⁵.

Как видим, целый ряд авторитетных специалистов считают, что темпоральное действие регулятивных нормативных правовых актов в силу их «связанности», «спрессованности» с уголовно-правовыми нормами в процессе применения последних так же подчиняется ст. 10 Уголовного кодекса, как и его «собственные» нормы.

Такое решение звучит убедительно и соответствует закрепленным в Уголовном кодексе принципам. Однако представляется, что в конечном итоге оно все-таки обусловлено имеющим место отстаиванием отсутствия признаков составов преступлений в бланкетных нормах УК и, как следствие, «включением» не уголовных нормативных актов (пусть и не прямо) в уголовное законодательство.

Вместе с тем, как мы уже установили, регулятивные нормативные правовые акты не являются частью уголовного законодательства, а ст. 10 Уголовного кодекса РФ закрепила положение об обратной силе не любого, а только *уголовного закона*. Следовательно, ст. 10 УК неприменима к нормативным правовым актам других отраслей.

Что касается обоснованного и справедливого предложения о закреплении в федеральном законе положения об обратной силе *любого* нормативного акта, устраняющего противоправность деяния либо иным образом улучшающего правовое положение субъекта²⁴⁶, то, к сожалению, правового воплощения оно не получило. Поэтому, если в новом нормативном правовом акте регулятивной отрасли, исключаящем ранее имевшийся запрет или освобождающем от ранее установленной обязанности, не указано, что он имеет обратную силу, *нет оснований считать совершенное в прошлом нарушение запрета* (неисполнение обязанности) *непротивоправным*, а при описанных в бланкетной норме УК условиях – и *непреступным*.

Несмотря на то что указанное решение кажется не соответствующим принципам справедливости и гуманизма, на которых «покоится» Уголовный кодекс, оно *абсолютно соответствует системности права*. Как известно, специфика общественных отношений, регулируемых нормами определенной отрасли права, детерминирует необходимость использования в процессе регулирования и «своего» специфического юридического режима правового регулирования, под которым понимают целостную систему регулятивного воздействия, характеризующуюся действием единых принципов и общих положений, включая

²⁴² Яни П. С. Неправомерные действия при банкротстве // Уголовное право. 1999. № 2. С. 118.

²⁴³ Бойцов А. И. Действие уголовного закона во времени и пространстве. С. 64.

²⁴⁴ Российская газета. 2001. 3 февр.

²⁴⁵ Пикуров Н. И. Теоретические проблемы межотраслевых связей уголовного права. С. 34.

²⁴⁶ Медведев А. М. Правовое регулирование действия закона во времени // Государство и право. 1995. № 3. С. 72.

положение о темпоральном действии отраслевых норм. И нормы, регулирующие позитивные отношения, например, по поводу имущества или установлению, введению и взиманию налогов, подчиняются только своему юридическому режиму (отраслевому режиму гражданского или налогового права соответственно). Какая бы острая необходимость в этих регулятивных нормах не возникала в процессе применения бланкетных норм УК, регулятивные нормы не могут подчиняться юридическому режиму уголовного права – «отраслевой режим отличается известной замкнутостью, своего рода суверенностью и неприменимостью к отношениям, регулируемым данной отраслью, норм, лежащих за ее пределами»²⁴⁷.

Нет оснований ссылаться на ч. 1 ст.10 УК (второе предложение) и в случае придания обратной силы «причастному» к бланкетной норме УК регулятивному акту, устанавливающему какие-либо обязанности или запрет: *сам уголовный закон и здесь остается неизменным.*

Вместе с тем в этом случае лицо, не выполнившее обязанность, позднее установленную, или совершившее деяние, впоследствии запрещенное регулятивным нормативным правовым актом, не может быть привлечено к уголовной ответственности по связанной с этим актом бланкетной норме Уголовного кодекса. Преступность деяния в соответствии со ст. 9 УК РФ определяется уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния (неисполнения обязанности или нарушения запрета). А согласно ч. 2 ст. 54 Конституции РФ никто не может нести ответственность (любую. – *И. Ш.*) за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением. В нашем же случае *в момент совершения деяние было правомерным* и, следовательно, не могло быть одновременно преступным.

Вернемся к варианту, когда новый регулятивный нормативный акт исключает запрет (освобождает от обязанности), существовавший на момент его нарушения (неисполнения обязанности), если этому акту не придана обратная сила, а нарушение составляло содержание бланкетной уголовно-правовой нормы. Как мы уже установили, в момент совершения деяния, оно было противоправным, а «вкуче» с бланкетной нормой УК – и преступным. И преступность, как и иная противоправность, деяния не исчезает.

Однако основание для оптимизма у лиц, совершивших такие деяния, есть. Эти деяния, не утрачивая признака противоправности, *могут вовсе не иметь либо утратить другой обязательный признак преступления – общественную опасность.*

Для того чтобы разобраться в возможности отсутствия у противоправных деяний, предусмотренных нормами гл. 22 УК, общественной опасности либо ее утраты, необходимо обратиться к тем общественным отношениям, которые составляют видовой объект экономических преступлений – отношениям в сфере экономической деятельности. Установление специфики этих отношений позволит понять и специфику «образования» общественной опасности правонарушений в этой сфере. Напомним, *их правовое регулирование может быть ошибочным.*

В случае, когда признается утратившим силу регулятивный нормативный правовой акт, устанавливавший *необоснованные* обязанности (запреты), неисполнению таких обязанностей (нарушению запретов) не присущи не только общественная опасность, но и иная вредоносность.

Приведем примеры, иллюстрирующие изложенное.

До середины 2001 г. в периодике неоднократно поднимался вопрос о необоснованно большом перечне видов деятельности, требующих лицензирования. Многие специалисты справедливо полагали, что перечень велик не потому, что все указанные виды деятельности действительно могут представлять опасность для человека, а потому, что работники различ-

²⁴⁷ Мицкевич А. В. Соотношение системы советского уголовного права с системой советского законодательства. Цит. по: Алексеев С. С. Общая теория права: В 2 т. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1981. С. 245.

ных федеральных органов исполнительной власти видят в лицензировании единственный способ «давления» на хозяйствующих субъектов и соответственно получения взяток. Принятие в этих условиях в августе того же года нового Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности»²⁴⁸, не признавшего необходимым лицензировать многие виды деятельности, провозглашавшиеся требующими лицензирования одноименным Федеральным законом 1998 г., доказывает, что никакой общественной опасностью осуществление их без лицензии, даже сопряженное с извлечением дохода в крупном размере²⁴⁹, не обладало и до 2001 г.

Поэтому полагаем, что уголовные дела в отношении лиц, осуществлявших предпринимательскую деятельность без лицензии, если эта деятельность исключена из лицензируемых Федеральным законом «О лицензировании...» 2001 г., должны быть прекращены по ч. 2 ст. 14 УК.

Правомерным по причине отсутствия общественной опасности было бы прекращение уголовного дела и по факту уклонения от уплаты таможенных платежей (ст. 194 УК), если позднее ставка таможенной пошлины на конкретный товар была понижена, и из интервью либо публикаций специалистов, участвовавших в разработке изменений в соответствующий нормативный правовой акт, следует, что высокий размер прежней ставки («обеспечивший» уклонение от уплаты таможенных платежей *в крупном размере*, без которого уклонение не было бы криминальным) был протекционистским. «...Более свободная торговля приносит небольшую пользу всем, – указывает П. Самуэльсон, – тогда как протекционизм крайне выгоден лишь немногим»²⁵⁰. Не может быть общественно опасным уклонение от выполнения протекционистских установлений, так как «...зло от протекционизма перевешивает то добро, которое он приносит»²⁵¹.

Заключение об *утрате деянием общественной опасности* не в момент, когда регулятивные нормативные правовые акты перевели его в разряд правомерных, а в момент его совершения и пребывания в ряду противоправных, возможно тогда, когда нарушенный правовой запрет (обязанность) первоначально был социально обоснованным, но впоследствии перестал отвечать цели его принятия, стал препятствием на пути ее достижения, вошел в «полосу устаревания»²⁵².

Другая ситуация складывается в случаях, когда обязанность или запрет, неисполнение (нарушение) которых составляет содержание бланкетной нормы Уголовного кодекса, *по существу не отменяется*, а видоизменяется, либо *их отмена обусловлена прекращением действия каких-то факторов*. Здесь общественная опасность ранее совершенных деяний не утрачивается.

К примеру, в юридической литературе отмечается, что российская налоговая система проходит «обкатку», поскольку отечественного опыта налогообложения нет²⁵³. В поисках наиболее рационального налогообложения одни налоги сменяются другими, несколько налогов могут заменяться одним (возможно, с повышенной налоговой ставкой), иногда появляется новый налог, но понижаются ставки ранее существовавших налогов. Иными словами, отмена налога, от уплаты которого (в крупном размере) лицо уклонялось, может означать *только изменение способа налогообложения*. Основания оценить в этой ситуации уклоне-

²⁴⁸ СЗ РФ. 2001. № 33. Ч. 1. Ст. 3430.

²⁴⁹ Крупный ущерб осуществление предпринимательской деятельности без указанных лицензий, полагаем, причинить не могло.

²⁵⁰ Самуэльсон П. Экономика. Т. 2. С. 288.

²⁵¹ Там же.

²⁵² Рабинович П. М. Время в правовом регулировании (философско-юридические аспекты) // Правоведение. 1990. № 3. С. 19.

²⁵³ Финансовое право: Учебник/Под ред. О. Н. Горбуновой. М., 1996. С. 182.

ние от уплаты налога, позднее отмененного, как не имевшее или утратившее общественную опасность, отсутствуют.

Не подлежит прекращению по ч. 2 ст. 14 УК РФ и уголовное дело по ч. 3 ст. 183 УК, если в период незаконного разглашения или использования сведений, составляющих коммерческую тайну, повлекших крупный ущерб, конкретная информация *в силу конкуренции* с другим хозяйствующим субъектом была отнесена к указанной тайне, а *после банкротства конкурента* – раскрыта. Здесь в момент совершения деяния оно было не только противоправным, но и общественно опасным, и последнее качество не утрачено.

Формализованные количественные конститутивные или квалифицирующие признаки многих составов преступлений в сфере экономической деятельности (ст. 171, 171¹, 174, 174¹, 177, 185, 188, 191–194, 198–200 УК РФ) устанавливаются на основе соотношения указанного в соответствующих статьях УК РФ показателя кратности и установленного на момент совершения преступления минимального размера оплаты труда (МРОТ). В связи с этим представляется важным проанализировать уже упоминавшееся определение Конституционного Суда РФ от 16 января 2001 г. № 1–0 на предмет возможности применения нового, *повышенного* МРОТ к совершению преступлений, имевших место до этого повышения, по существу.

Обосновывая неприменимость нового МРОТ к оценке деяний, совершенных до его установления, Суд указал, что «по своей правовой природе минимальный размер оплаты труда является единицей расчета, которая определяется федеральным законодателем с учетом социально-экономических факторов и на определенный период, что в данном случае исключает возможность применения конкретного минимального размера оплаты труда в уголовно-правовых отношениях, возникших до его установления. Иное могло бы привести – вопреки воле законодателя – к декриминализации общественно опасных деяний и к нарушению принципа справедливости, предполагающего обеспечение соответствия наказания и иных уголовно-правовых мер характеру и степени общественной опасности совершенного преступления»²⁵⁴.

Как видим, Конституционный Суд также не ограничился констатацией того, что минимальный размер оплаты труда устанавливается не уголовным законом, а законом иной отраслевой принадлежности, но вник в сущность такого используемого в бланкетных нормах УК показателя, как МРОТ. Поскольку минимальный размер оплаты труда устанавливается на определенный период *в зависимости от социально-экономических условий*, то общественная опасность деяния, совершенного в один период, не исчезает в последующий: в нем существуют уже иные экономические условия, а значит на основе отвечающих им новых показателей должна определяться общественная опасность только тех деяний, которые были совершены в новых экономических условиях.

«...Реальная общественная опасность преступного деяния, совершенного в конкретных экономических условиях, – поддерживает позицию Конституционного Суда И. Пастухов, – не может измениться в результате увеличения размера МРОТ, произведенного в связи с изменением таких условий. Поэтому... изменение размера МРОТ, произошедшее после окончания преступления, не может влиять на его квалификацию... и не может являться основанием для переквалификации действий виновного или освобождения его от уголовной ответственности»²⁵⁵.

Изложенное позволяет уточнить положение, сформулированное профессором А. Наумовым. Автор указывает, что «отмена тех или иных правил (речь идет о регулятивном законодательстве. – *И. Ш.*) фактически будет означать частичную декриминализацию соот-

²⁵⁴ Российская газета. 2001.3 февр.

²⁵⁵ Пастухов И. Минимальный размер оплаты труда и уголовный закон // Уголовное право. 2002. № 2. С. 140.

ветствующего уголовно-правового запрета, а формулирование новых правил – криминализацию, хотя в самом уголовном законе уголовно-правовая норма остается неизменной»²⁵⁶.

Полагаем, установление новых обязанностей или запретов регулятивными нормативными правовыми актами, «раскрывающими» бланкетные признаки диспозиций норм УК, всегда влечет криминализацию нарушений этих обязанностей (запретов) *с момента вступления в силу* нового регулятивного нормативного правового акта (даже в случае придания ему обратной силы).

Отмена новым регулятивным нормативным правовым актом обязанностей или запрета, исполнение (соблюдение) которых обеспечивалось бланкетной нормой УК, *влечет декриминализацию* нарушений этих обязанностей после вступления в силу указанного регулятивного нормативного акта. Нарушения, имевшие место до момента вступления нового акта в силу, декриминализуются только в случае придания этому акту обратной силы. В иных случаях лицо не несет уголовную ответственность за нарушение позднее отмененных обязанностей (запретов) тогда, когда в момент совершения деяние уже утратило общественную опасность (либо не обладало ею вовсе).

²⁵⁶ Наумов А. Проблемы декриминализации: причины и способы // Советская юстиция. 1990. № 19. С. 21.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.